РОВЕСНИК

ISSN 0131 — 5994

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

№ 8/84
Август

БЕРЛИН. 1951.

В III Всемирном фестивале, который проходил в Берлине с 5 по 20 августа 1951 года, приняло участие 26 тысяч юношей и девушек из 104 стран. Лозунг фестиваля: «Молодежь, объединяйся против опасности новой войны — за длительный мир!»

Мы, участники фестиваля, от имени десятков миллионов миролюбивой молодежи всех стран, понимая опасность, грозящую человечеству, и нашу ответственность в общей борьбе народов за мир, торжественно клянемся:

— отдать все наши силы борьбе за предотвращение новой войны;

— разоблачать и срывать планы врагов мира, врагов человечества;

— бороться против гонки вооружений, за улучшение условий жизни молодежи;

— укреплять дружбу и мирное сотрудничество народов и молодежи всех стран;

— крепить, беречь и расширять наше единство в борьбе за мир, прекрасным выражением которого явился наш фестиваль.

Из обращения III Всемирного фестиваля молодежи и студентов

ШАГИ

КОЗНИ ПРОТИВНИКОВ ФЕСТИВАЛЯ

● Из средств плана Маршалла (так называлась программа американской «помощи» западноевропейским государствам в годы «холодной войны», предназначенная на «поддержание позиций капитализма» в этих странах) 1,5 миллиона долларов было отпущено в 1951 году на пропагандистскую кампанию по срыву Берлинского фестиваля.

● Государственный департамент США аннулировал паспорт руководителя пуэрто-риканской делегации Эухенио Куэбаса, чтобы он не смог поехать на фестиваль.

● Французское правительство запретило использовать поезда для перевозки в Берлин посланцев французской молодежи, а также наложило запрет на полет над Францией самолетов, имеющих на борту делегатов фестиваля.

● 500 молодым рабочим и служащим Австрии, собравшимся поехать в Берлин, предприниматели отказались предоставить отпуск. Членам делегации австрийской молодежи угрожали увольнением, если они примут участие в Берлинском фестивале.

● Западногерманские власти расположили вдоль границы военные и полицейские отряды, которые задерживали транспорт с молодежью, направлявшейся на фестиваль.

По приглашению западноберлинского сената тысячи юношей и девушек, участников фестиваля, перешли в западные секторы Берлина, чтобы рассказать о целях фестиваля. Приглашение оказалось гнусной провокацией. Западноберлинская полиция напала на мирную демонстрацию и зверски избила ее участников. Против демонстрантов были брошены танки.

Рассказывает 16-летняя Эрика Танц:

— Вместе с друзьями я перешла границу сектора... На границе стояли четверо западноберлинских полицейских. Они беспрепятственно пропустили нас. С песнями мы пошли по улице. Вдруг появилось несколько грузовиков с полицейскими, которые врезались в наши ряды. Несколько наших товарищей были сбиты машинами. Полицейские повыскакивали из грузовиков и начали избивать нас дубинками. Двое из них схватили меня и бросили на землю. Я потеряла сознание.

Говорит участница фестиваля Раймонда ДЬЕН (Франция).

(Эта французская патриотка легла на рельсы перед составом, в котором должны были отправиться во Вьетнам французские солдаты, чтобы удержать колониальные владения Франции в Юго-Восточной Азии. На снимке внизу скульптура, посвященная ее подвигу.)

— Сегодня мы, девушки и молодые матери, еще раз громко сказали свое решительное «нет!» войне. Мы собрались на фестиваль не для того, чтобы просить мира. Мы требуем его. Мы требуем этого от лица всей юности мира!

ЭСТАФЕТА СОЛИДАРНОСТИ

●На одном из крупнейших предприятий ГДР — металлургическом комбинате Геннигсдорфер — состоялась международная встреча молодых горняков из Шотландии, Италии, Швеции, Южной Африки, ГДР, Австрии и Западной Германии. По инициативе итальянской делегации участники встречи приняли резолюцию с призывом к молодым горнякам всех стран бороться за мир под лозунгом «Ни одной тонны угля, ни одной тонны руды для военных целей империалистов!».

●На берлинской текстильной фабрике «Фортшритт» состоялась встреча молодых рабочих-текстильщиков Берлина, стран народной демократии и капиталистических государств.

●Встреча французской и вьетнамской молодежи прозвучала грозным предостережением французским колонизаторам и поддерживающей их американской реакции, ведущим грязную войну во Вьетнаме. Французский народ против войны во Вьетнаме, передовая французская молодежь будет всеми силами бороться за мир — заявили участники встречи.

●На встрече молодежи США, Англии, Канады и Кореи выступил руководитель делегации молодежи КНДР на фестивале Ким Ук Тин:

— Дорогие братья и сестры из Америки, Англии и Канады,— сказал Ким Ук Тин,— сегодня на земле Кореи нет такой семьи, которая не оплакивала бы своих близких, погибших от рук оккупантов. Свыше одного миллиона мирных жителей замучены и расстреляны американо-английскими оккупантами с начала войны. (25 июня 1950 года южнокорейская военщина развязала военные действия против КНДР. США и Англия тут же вмешались во внутренний корейский конфликт. Агрессоры получили отпор и 27 июля 1953 года вынуждены были подписать соглашение о перемирии.) Но эти страдания и жертвы,— продолжает Ким Ук Тин,— принесены нам не английским и американским народами. За эти злодеяния, за убитых женщин и детей ответят перед судом народа американские и английские империалисты. Война принесла страдания и американскому народу. 150 тысяч убитых, огромное число раненых и пропавших без вести — вот расплата за преступную войну.

ФЕСТИВАЛЯ

●В парке Трептов состоялся многолюдный митинг молодежи колониальных и зависимых государств, на который пришли также юноши и девушки Берлина и члены делегаций других стран. День колониальной молодежи вылился в грандиозную демонстрацию солидарности юношества мира с народами колониальных и зависимых стран, ведущими героическую борьбу против империализма, за свою свободу.

●Писатели различных стран, собравшиеся в Берлине по случаю фестиваля, выразили решительный протест против преследований известного негритянского ученого Дюбуа, писателя Альфредо Варелы (Аргентина), поэтов Фаиза Ахмада Фаиза из Пакистана и Яниса Рицоса из Греции... Среди подписавших протест — Мартин Андерсен Нексе, Назым Хикмет, Пабло Неруда, Лев Ошанин, Анна Зегерс...

●В дни фестиваля в городах Европы появились надписи, подобные этой: «Фриден» — «Мир!» (снимок внизу).

МОСКВА.1985.

МОСКВА. 23 июня, в канун Дня советской молодежи, юноши и девушки Советского Союза вышли на субботник, посвященный 60-летию присвоения комсомолу имени В. И. Ленина и XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов. Средства, заработанные на субботнике, были перечислены в фонд XII Всемирного.

ОДЕССА. В XXII заседании комиссии по программам Международного бюро туризма и обменов молодежи (БИТЕЖ) при ВФДМ приняли участие 58 представителей международных и национальных организаций Европы, Азии, Африки и Латинской Америки, в том числе БММТ «Спутник» ЦК ВЛКСМ. Центральное место в работе комиссии заняли вопросы участия в подготовке членских организаций БИТЕЖ к XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Москве. Участники заседания с энтузиазмом поддержали инициативу Ленинского комсомола о проведении XII Всемирного фестиваля в Москве с 27 июля по 3 августа 1985 года под лозунгом «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!». Членские организации БИТЕЖ подтвердили свою готовность направить представительные туристские делегации молодежи своих стран на Московский фестиваль.

ЮРМАЛА. Посланцы молодежных организаций СССР, Польши, ГДР, Финляндии, ФРГ, Швеции, Дании, Норвегии и Исландии, участвовавшие в III Конференции молодежи стран Балтийского моря, обсудили проблемы, волнующие сегодня юношей и девушек различных государств мира. На конференции подчеркивалось, что хорошую возможность для молодежи внести свой вклад в борьбу за мир даст XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве.

ДЕВУШКИ— ПОДРУЖЕНЬКИ

Нина ЧУГУНОВА,
Евгений СТЕЦКО (фото),
наши спецкоры

Нам показали фильм, снятый здесь. На экране появилась фотография дома в джунглях, потом крупно — лицо девочки, застывшее в ужасе, в слезах, и другие военные фотографии. Потом экран ожил, и группа девушек в белых блузках пробежала по аллее, и смущенный смеющийся голос старательно выговорил-пропел: «Мы живем в Иванове». Девушки на экране отворачивали лица и хохотали. Потом они стояли у станка. Потом, в общежитии, вязали, сидя кружком, и пробовали рис, захватывая его палочками из эмалированной кастрюли,— все это они проделывали, заливаясь смехом. Оператор сказал, что снимать было крайне трудно. Сплошной смех. Он сказал, что девушки совсем не умеют сниматься. И это, конечно, заметно в фильме: они косятся на объектив, прыская и подталкивая друг друга. А мы подумали, что оператор, наверное, их просил чинно рассесться с вязаньем, чтобы было красиво, и это их смешило, потому что они не умели играть.

Фильм кончился, мы вышли на улицу и услышали тот же смех. Две девушки шли нам навстречу, раскачивая авоську, в которой лежала курица, задрав желтые лапы. «Здравствуйте»,— сказали они нам как знакомым.

— Ты счастлива?
— Да, очень!
— О чем ты мечтаешь?
— Хочу много читать, писать стихи, много видеть!
— Хочешь увидеть разные страны?
— Да, конечно. Но не все страны...

Она замолчала. Бинь, переводчик, выпускник ЛГУ, и я ждали. Наконец она произносит фразу, понятную без перевода. Страна, которую она никогда бы не хотела увидеть,— это Америка.

— Ты... видела американцев?
— Нет. Живыми — нет.

Хайфонские дети были увезены в деревни. Взрослые оставались в Хайфоне все время, там они работали день и ночь. Дети учились в деревенском храме, потому что монахи не занимались религией, а работали в поле. Учи-

тельницу звали Тхы. Это была молодая девушка. Три книги на весь класс были очень ветхие, дети книги берегли. Деревню бомбили. Тогда самым современным самолетом у американцев был F-105, он стоил пятнадцать миллионов. Это знали дети, учившиеся по ветхим букварям.

— Один F-105 зенитчики сбили над деревней. Взрослые побежали к самолету,— торопливо переводил Бинь,— но летчик был уже разбившийся. Взрослые говорили: «Дети, там лежит враг-летчик». Мы пошли и посмотрели. Мы подошли совсем близко. Мы не боялись. Мы хотели рассмотреть его. Мы хорошо представляли себе американца. Даже двухлетние знали, какой он. Будто бы это большой сильный мужчина, очень злой. Там, где он проходит, все гибнет. Деревья, трава. Мы посмотрели на него. Нам не было его жаль.

За несколько дней до этого бомба упала в бомбоубежище. Это нам сказал Бинь, переводчик. Он знал истории всех.

«За право на труд, за право на жизнь!» К Международной встрече трудящейся молодежи

Над Шереметьевом Ле Бик Тху прильнула к иллюминатору. Нам она сказала, что самое поразительное было — березки, как бы гнувшиеся под самолетом. У последней ступеньки трапа ее подняли чьи-то руки и понесли к автобусу. Девушки были легкие, как пушинки. В Иванове не привыкли к девушкам-тростинкам. Тот, кто нес, торопился: скорее напоить их чаем, что ли. Какие они девушки — совсем дети еще. В автобусе они вдруг расплакались. Навзрыд, все. Врач понял, сказал остальным: это от крайней усталости. Реакция на длительный перелет. Возможно, они никогда не видели самолетов, сказал он и осекся. И тут кто-то из встречавших с комбината всполошился, стал спрашивать, а мы белье-то для них купили, девичье? Кроме курток, ботинок? Ведь это не пацаны, с теми было бы легче, это маленькие барышни, только очень бледные, слабые, да ничего. Это с дороги.

После войны прошло много лет. Была весна, Москва, Шереметьево. Делегация встречавших из города Иванова ждала на поле. Рядом стоял специальный автобус, в автобусе сидел врач. Самолет прибывал из Ханоя.

Самолет пролетел шестнадцать часов, и девушки очень устали сидеть в самолете.

Меланжевый комбинат, гордость города Иванова, принял на учебу и производственную практику двести человек новеньких. Сначала прибыли сто пятьдесят, потом еще пятьдесят.

люди ездили по улицам на велосипедах. Мы сразу начали убирать дом, потому что папа и мама ночевали на работе и не приходили домой, чтобы больше работать, и в дом от взрывов набилось много мусора. Но в двенадцать ночи о н и опять налетели, и мы спрятались под железным мостом.

что уже полпервого ночи, женщины поскорее всех уложили, до трех провозились, а потом пошли в кабинет, прикрыли плотно дверь и наревелись. Так они рассказывали.

— Люди — это не машины! — сказала мужу Мария Петровна Михеева, заведующая общежитием, которое назвали «Лотос», придя домой утром собрать в школу румяного пятиклассника Андрюшу. Ведь раньше она работала в цехе и приходила домой минута в минуту.

«Поначалу они были такие неподвижные, мягонькие, все по кроватям лежат, по дому скучают. Загляну в личико: плачет,— обомру! Говорю

Ровно через год две девушки сами приехали в Москву и провели в ней день, просто так катаясь в метро, гуляя и покупая мороженое, и вернулись ночным ивановским поездом. С ними в купе ехали чужие мужчина и женщина средних лет, которые велели им спать на нижних полках, а сами забрались наверх и ворочались и вздыхали во сне, а девочки лежали с открытыми глазами, и свет полустанков ходил по их лицам как ладонь.

«В семьдесят втором году я училась в шестом классе, и «летающие крепости» все разбомбили в Хайфоне, погибли наши соседи, и нас увезли тогда из Хайфона. Но в декабре объявили, что американцы целый день бомбить не будут, ради своего рождества, и папа пришел за нами. Он работал в порту на машине, отпросился, пришел за нами пешком двадцать километров. Он пришел за нами, и сразу мы пошли в Хайфон. Мы шли по дороге, где раньше ходили автобусы из Хайфона в Киен Ан. Теперь на дороге было много воронок от бомб. Папа сказал, что, пока мы идем, бомбить не будут. Он был веселый, радостный. Старшая сестра Тхуан несла маленького Тэна, потом Тэна несла я, а папа нес вещи. Останавливаться нельзя было, мы шли с четырех утра до восьми, не остановившись ни разу. В Хайфоне было большое оживление, как праздник,

Папа сказал, что пока мы сидим под мостом, бомба на мост не упадет. Папа был очень спокойный, и мама была очень спокойная. Но я и Тэн плакали.

Для них отвели два общежития. То, что поменьше, было двухэтажным домом рядом с трамвайным кольцом. В нем и раньше жили девушки с меланжевого. Например, в этом общежитии жила Лариса Грицюк, девушка, которая теперь учит новеньких работе на ткацких станках (учителей потребовалось много!). В больших комнатах расставили кровати. Получалось очень просторно, даже пусто. Сделали ремонт. Получилось совсем неуютно, хотя все сверкало от свежей краски, от солнца и чистых окон.

Две женщины, заведующая и воспитатель общежития, хотели каждой показать, как правильно прибирать постель — ведь порядок — главное в девичьем общежитии! — но, взглянув на них, сидевших рядком с зажатыми в ладошках номерками от своих вещей, и охнув,

ей: «Не плачь, вот начнешь работать на радость родителям, вернешься лучшей невестой. Не плачь,— говорю опять ей,— жизнь твоя начинается, смотри, как хорошо. Девушки наши все хорошо зарабатывают, самостоятельные». Молчит, только улыбается. А знаете, папа-то наш с сорок первого по сорок пятый прошел, вот о чем я подумала вдруг...»

Был май, в Иванове разворачивалась весна, женщины мыли окна, становясь круглыми коленями на белые подоконники. В центре города, на площади Революции, был памятник Ивановскому Совету. Мимо памятника летели трамваи на комбинат.

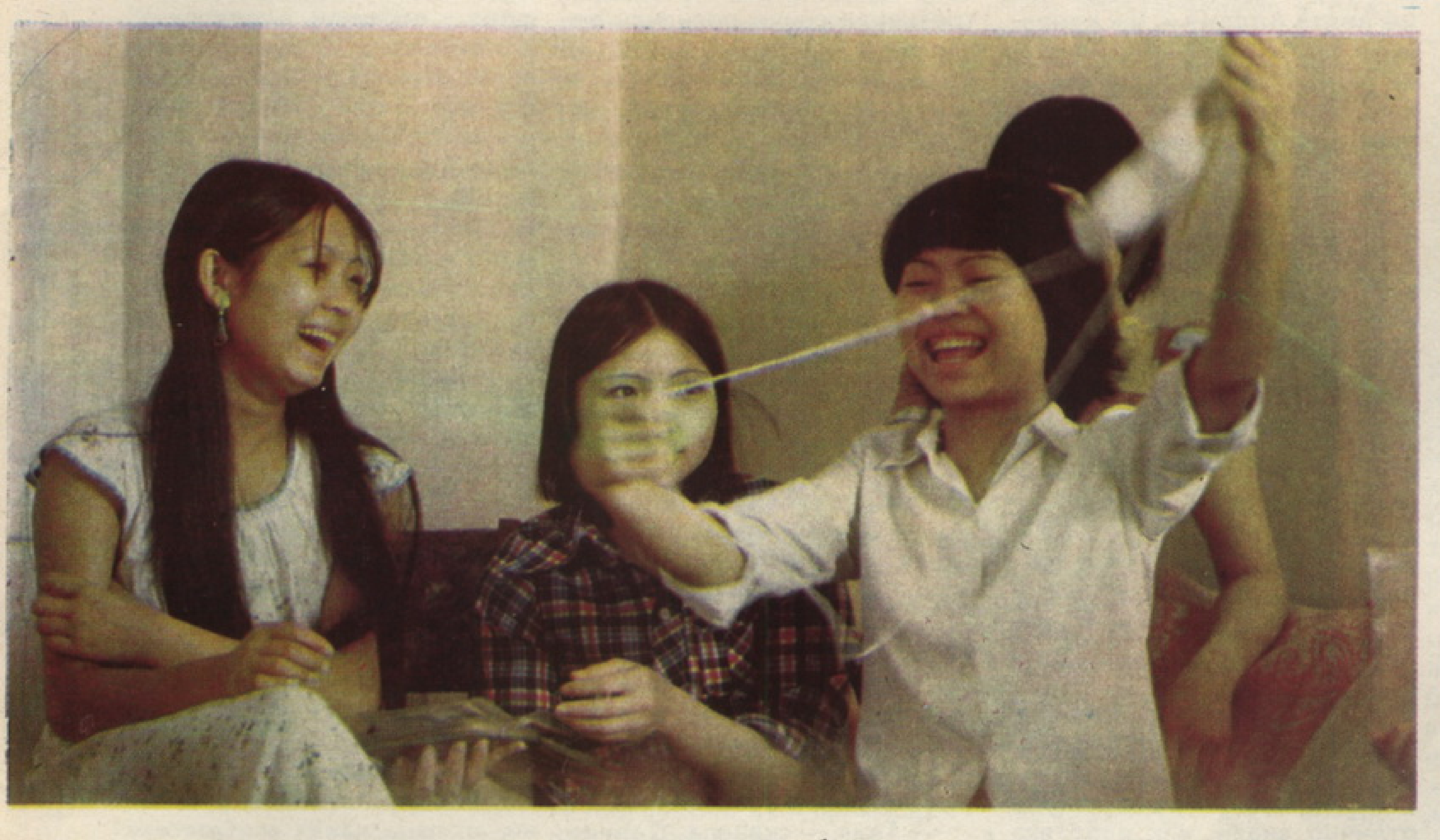
Ткачиха Лариса Грицюк попала на комбинат, как это часто случается, по совету подруги. Лариса жила с родителями в Ровенской области, пустяк». С далекого Уренгоя Ларисе приходили письма от соседского Володи, который учился с Ларисой в одной школе, а в Уренгой уехал по комсомольской путевке. Так их развела пока комсомольская юность. И Лариса никак не могла представить себе, что она может покинуть Иваново и цех и бросить общественную работу. «Хоть мы живем и в космическом веке, надо учиться у тех, прежних комсомольцев, есть у нас сейчас и стройки, есть и подвиги»,— говорила себе Лариса. Володя работал на буровой водителем машины. Он прислал фотокарточку, где он с друзьями, героями. И Лариса гордилась Володей.

...А свадьбы справляли в их украинском селе Полесье пышно, богато, и двести человек гостей не было чем-то удивительным для свадьбы. Но, как в ткацком деле и фотографии веером, и гитары с голубыми бантами, и вырезанная из журнала Алла Пугачева, и в рамке под золото «Неизвестная», гордая и грустная. И почти через год, зимой, на голом кусте вдруг возникли розовые тряпочные бантики персиковых цветов, и люди из трамваев смотрели, остолбенев, на эти маленькие цветки, а был просто вьетнамский праздник тэт.

Мария Петровна однажды уехала ненадолго в командировку, и она так измучилась от беспокойства, что начала звонить и кричать в трубку: «Ну как там у нас, без приключений?»

— ...и тут случилось самое смешное! Мы вышли в город, недалеко, чтобы не потеряться. А навстречу шел такой толстый человек, старый. «Онг бун то» называется у

в хорошем доме. Она поехала в Иваново и после учебы сначала взяла шесть станков, потом восемь, потом десять. А потом двенадцать при норме семь. За хорошую работу Лариса получила звание «Молодой гвардеец пятилетки». Ее выбрали секретарем комитета ВЛКСМ смены. «Приду в магазин и машинально сама отмечаю: тут «парочка», то есть две нитки сплелись, а тут «разводка», то есть нитки недостает, или кромка неочищенная. Так и тянет взглянуть: не наши ли? Нет, не наши. Но все равно неприятно, это простые люди не замечают, а мы видим всякий важен, казалось бы, пустяк — первый ткацкий узелок,— так и в жизни есть такие необходимые мелочи, казалось бы, пустяки, а на них потом строится вся дальнейшая жизнь. И письма продолжали приходить,— со стороны посмотреть, складывался настоящий роман! — а Лариса все не собиралась покидать общежитие, все ждала чего-то. Слов каких-то особенных, да?

В доме у трамвайного кольца постепенно устраивалась жизнь. Как водится в общежитиях, появились и швейные машинки, и проигрыватели, нас такой человек. Мы сказали: «Какой добрый!» Потому что у нас есть такая пословица: «Толстый—значит добрый». «Ого, какой добрый!» — это мы сказали на вьетнамском. Мы еще не знали русского. А этот человек остановился и начал нас считать. Пересчитал и побежал к киоску. И принес мороженое. Тринадцать штук! Мы смеялись и кричали ему: «Спасибо», больше ничего не знали.

— Все нас спрашивали: как мы себя чувствуем? Так ваши люди здороваются. Они спрашивают друг у друга, как человек себя чувствует.

— А одна женщина стала нас ругать прямо на улице, почему мы без шарфов? Она застегивала нам куртки своими руками и ахала.

...В цехе, куда их повели на экскурсию — вот где вы будете учиться! — почему-то пахло зерном, хлебом. Наверное, от чистого хлопка... Когда шла война, риса было мало, и в Хайфоне появилась пшеничная мука, люди стали есть хлеб. Люди привыкли к пшенице, но мечтали о том времени, когда много будет именно риса. В Иванове ивановские люди рассказали девочкам из Вьетнама, как трудно и голодно было в Иванове в войну, после войны: не было хлеба. Девочки поняли. Запах хлеба был един для всех: спасительный, добрый. Только для одних он был исключительно мирным запахом, а другим все еще напоминал о войне, о беде. Советские девушки стояли у машин в синих халатиках в горошек. Белые нити хлопка тянулись к ним от множества катушек-шпуль, воздух потрескивал от скольжения нитей, от работы. В этот день Нгуен Тхи Тху Льюнг, дочь

хайфонского милиционера, девочка из большой семьи, написала домой: «Доехала хорошо. Здорова. Русские добрые». Она хотела приписать про трамвай. Иваново — город трамваев. Хайфон — город велосипедов. Но Хайфон еще и город, где остались воронки. В Иванове нет воронок от бомб. Были ли? Как быстро они исчезли? Через десять лет, раньше? Лыонг повесила на стенку над своей кроватью шляпу нон с розовыми лентами, картинки, бусы. В кухне закипал чайник. Она побежала в кухню, на ходу заклеивая конверт, стуча деревянными подошвами маленьких босоножек. Бинь, переводчик, сказал, что синие халаты в горошек выдадут всем. Видно было, что Бинь тоскует по Ленинграду, где он изучал японскую филологию. В Иванове легко вообразить, что Ленинград совсем близко. Бинь рассказывал девушкам, что люди в Ленинграде делают вид, что они загорают, едва появится бедное, бледное солнце. Солнце может быть очень слабым. Бинь вздыхает по Ленинграду осторожно, чтобы не заметили девушки. Но это видят все.

Лыонг купила большую пачку конвертов.

Она была так молода, что ее жизнь начиналась с Иванова.

Очень смутно она помнила начало детства: ночь, дорога, их, детей, куда-то везут. Деревня. «Здесь будет спокойно, дети».

...А Таня Баскова была молодая учительница начальных классов. Третьеклассники любили Таню. Таня ходила в школу на высоченных каблуках. Даже когда увольнялась очередная уборщица и учителя временно сами брались за швабры, Таня не опускалась со шпилек на землю. Во внешкольной жизни она была большая любительница одиноких долгих прогулок. У нее был любимый маршрут. Тане было столько же, сколько Ларисе Грицюк и сколько девушке по имени Хо Тху Оань, которая рассказала о F-105, упавшем рядом с деревней. Всем им было чуть больше двадцати. Тане было почти двадцать два. Директор сказал Тане: «Татьяна Владимировна, не хотите ли попробовать преподавать русский язык иностранным гражданам?» И Таня согласилась, потому что выпускной класс — третий — был на редкость сильным классом и впереди были каникулы.

Таня была мечтательница.

«Так что же такое добрый человек? Добрый взорвется, как я? Станет всем показывать, как ему неприятен кто-то, станет открыто злиться, кидаться в драку, будет и плюсом и минусом, не побоится ошибиться, глупость совершить в запале? Ведь правда, злоба точна и расчетлива, а добро нерасчетливо. Мне говорят: будь ровной, остепеняйся. А мне — рано это! И противно, когда тебя как на вожжах ведут, следят, воспитывают. Постойте, а Пьер? Любимый, добрый нерасчетливый Пьер лучше князя Андрея и, уж конечно, лучше Наташи — разве он не самый ошибающийся? И как он ошибся! А жил из всех один он. Пьер — это я».

Один Танин знакомый, художник, заботясь о Танином развитии, привел Таню в художественный музей, и там навсегда ее для себя потерял!

«Есть зал, любимый. Вхожу и, если пусто, тихо говорю: «Здравствуйте в с е. И вы, «Дама в белом тюлевом платье, 1776 год». Глаза у нее заплаканные, тем не менее улыбка на лице».

Ничего не было удивительного в том, что молодая ткачиха Лариса Грицюк будет учить девушек работе. Все отлично знали, как работает Лариса: первый ткацкий узелок она вяжет за три секунды! Зато некоторые Танины друзья удивились новости: «Таня будет учить русскому языку иностранцев!» Эти друзья считали, что такое сложное дело не для Таниного непостоянного характера. Они ошибались. Таня была самым постоянным человеком, наверное! Просто она была моложе своих друзей, которые думали, что знают о жизни все, и опять ошибались.

«На первое занятие пришла на высоких каблуках. А потом думаю: что это за классная дама стоит перед ними? И разулась под столом. Так и начала первый урок, стоя в чулках. А однажды внезапно в класс вошел Бинь — я и заметалась у стола, ищу свои туфли! А оказалось, меня решили с днем рождения поздравить, откуда только узнали? Ах вот почему они меня расспрашивали, что значит слово «почти». «Мне почти двадцать два года». Они почти ровесницы мои, я решила: буду считать, что младшие сестры. У меня есть младшая сестра, мне так проще с ними. Самое страшное — фальшивые порывы. Был, сознаюсь, порыв: стать для девочек «настоящим педагогом». Нет, я не вправе. Я же все про них знаю — и не знаю ни про одну. Дао Лан сразу была как подросток. Думаю: хлебну с ней. Так и вышло. Своенравная!.. Мои третьеклассники носились по школе и хвастались мной, я, узнав, запретила: хвастаться нехорошо. Кошу глазом на учебник. Он рассчитан на год, а надо, чтобы девочки «заговорили» у нас за три месяца. На курсы пришли опытные учителя, пенсионеры. Что же, старушки справятся, а я нет? Начинаем: это дом. Они произносят: «Эт-то дом!» Звонко, весело. Но надо что-то придумать, чтобы было еще веселее,— так легче учиться. Вот что: будем играть. В трамвай, в улицу, в универмаг,— будем петь, будем шуметь».

— Вы не любите Толстого? — сказала однажды Таня почти что незнакомому человеку.— Бедный-бедный!

И человек не смог доказать что-либо Тане. Хотя Таня умела выслушивать людей.

— Таня,— сказала Танина мама,— когда твои девочки к нам приходят, на каком языке вы разговариваете?

— На русском,— сказала Таня.

— Нет, это тарабарский язык! — возмутилась мама.— Я совершенно вас не понимаю. Ты, как педагог, должна знать, что с ребенком нужно сразу говорить правильно, литературно.

— Да,— сказала Таня.— Только там много и вьетнамских слов. И ведь главное пока, что мы понимаем друг друга, понимаешь?

Потом мама заболела и попала в больницу. К ней пришла большая делегация. Девочки в халатах, волочащихся по полу.

— Ваши ученицы? — спросили маму женщины в палате.

— Нет, дочери,— сказала обрадованная мама и исправила свою ошибку,— ученицы моей дочери Тани.

Выучили девушки русский язык!

И работать они научились. По утрам они вскакивали как солдатики, не нужно было будить. За окнами было синё. Лариса долго и терпеливо учила их первому ткацкому узелку. В ее группе было пятнадцать человек. Лариса велела каждой дома, в общежитии, потренироваться, повязать. «Сначала будете вязать за шесть примерно секунд, потом — за пять». Главное — терпение. Главное — первый узелок. Страну, где люди сложили пословицу «Пядь земли — кусочек золота», Лариса увидела, когда девушки из ее группы уже могли работать самостоятельно. В поездке по Вьетнаму она увидела деревню Кути. Там во время американской агрессии в катакомбах действовала сильная, многочисленная партийная организация. Хрупкий человек, участник боев под Кути, рассказывал это. Дети махали руками вслед автобусу и кричали: «Лиен-со!» — советские! Это была страна, где люди из века в век стремились к счастью: чтобы было много простой, хорошей, честной работы и были дети. Туристы везли из Вьетнама красивых драконов.

— Я стала много думать. Я стала размышлять о жизни, о том, какая я. Совсем недавно, дома, на родине, я была такой невзрослой!

— А какая ты?

— Я? Я веселая и искренняя. Но этого мало ведь, так?

— Чтобы быть счастливой?

— Чтобы быть хорошим человеком. Здесь есть одна семья. Мы познакомились так. Мы сидели на траве и пили лимонад, а человек гулял с собакой. Мы ушли, а человек нашел наш кошелек и стал разыскивать. Его дочь работает у нас на ткацкой фабрике. Так они нас нашли и стали звать в гости и спрашивать, не надо ли нам чего-нибудь. Они очень простые и приветливые люди. Они

ничего не рассказывали о себе, только говорят, что в их молодости было трудно жить. Они говорят: «Мы уж старые!» Женщину мы зовем мамой, ведь она нас называет дочками, как свою дочь Надю. Это счастливые люди.

— Видишь, для счастья достаточно быть веселым и добрым.

— Конечно, человек должен стремиться к счастью, быть веселым. Но нужно еще что-то. Для счастья мало доброты.

— Что же?

— Сейчас.

Она опускает смеющееся лицо. Бинь улыбается и курит «Опал». Он говорил нам, что девушки — странный народ. Даже те, кто был на фронте, смертельно боятся пиявок. Бинь рассказывал о работе молодежных отрядов из Хайфона на рисовых полях. Застенчивые — самые смешливые. Что же скажет Чан Тхи Ким Тху?

Чан Тхи Ким Тху поднимает счастливое лицо. (Она говорила нам, что из всего детства помнит звук барабана. Звук тревоги. Она пыталась нас научить ему. «Быстрее, еще быстрее!»)

— Человеку для счастья нужна тайна! — говорит она нараспев, и Бинь замирает с сигаретой.

Тайна? Ну да. Что тут непонятного.

«СССР, Иваново, руководству Ивановского ордена Ленина меланжевого комбината имени К. И. Фролова. 18 октября 1983 г. Уважаемый товарищ генеральный директор комбината! Уважаемый товарищ секретарь партийного комитета! Уважаемый товарищ председатель профкома! Уважаемый товарищ секретарь комитета ВЛКСМ! Мы, семья Чан, испытываем бесконечную радость, получив письмо, известившее нас о том, что наша дочь Чан Тхи Ким Тху имеет хорошие успехи в работе, в учебе и в других делах, тем самым внося свой скромный вклад в укрепление дружбы между СССР и СРВ. От имени семьи выражаю глубокую благодарность за заботу, воспитательную работу и всестороннюю помощь, оказанную вами всем вьетнамским девушкам, в частности моей дочери, которая имеет честь учиться и работать на родине великого Ленина. Ваша помощь — это выражение нашей величественной дружбы, искренних чувств, и в вашем лице мы видим огромную помощь, оказанную Компартией, государством и народом Советского Союза вьетнамскому народу. Когда мы послали нашу родную дочь в Советский Союз, мы испытывали уважение и гордость. До этого мы часто внушали ей любовь к Стране Советов, чтобы она считала СССР как свою родную страну, чтобы в будущем стать хорошей помощницей своей стране. С уважением от имени семьи Чан Чан Куок Бао».

Они научились работать. Впереди — целая жизнь!

«Я так еще не показала им всего города. По своему маршруту не провела. Во-первых, устают. А во-вторых, боюсь! Вдруг не понравится. Но мы много гуляем. Наш город большой. В Степановском парке целая толпа дает нам советы, как фотографироваться. Нам уступают место в трамвае. Вдруг начался ужасный ливень, тропический прямо. И мы бежали по настоящим рекам и хохотали, и на мне тоже была круглая шляпа нон, и какой-то незнакомый человек, чудак, мокрый тоже, фотографировал нас».

Летом в город приехал театр. Духота и смятение в зрительном зале, когда вступает разлучница черная лебедь. Среди зрителей — десять девушек, похожих на балеринок. Аккуратные головки, сомкнутые рты. Шелковые платья, купленные для них комбинатом.

Знакомый по «Лебединому озеру» бархат кресел, маханье программкой, гул. «Жизель».

«Какая славная эта умница Хань! Ей только двадцать, но интерес к жизни не праздный, вдумчивый, терпеливый даже. Но в жизни ей будет трудно, знаю. Вы не заметили, что в счастье человек порой сторонится прямодушного друга, будто боится, что в его счастье можно что-то разглядеть не то? Хань — прямодушный друг. Рядом с ней всегда радостная, легкая, дружелюбная Ань. Хань и Ань подруги. Они друг другу необходимы. Как растеряется Ань, когда не окажется рядом Хань, ее твердости, ее прямоты!.. Но стоп. Начинается. Какой гул театральный пышный!»

...Жизель, брошенная, безумна. Бежит, слишком сильно, опасно наклонясь, почти падая. Все, что осталось от нее,— блестящая техника бега на пуантах, сильные крупные ноги и цветы в волосах, а сама мертвая.

— Дэн! — с ужасом прошептала Хань, вскрикнула Хань. («Чокнулась — дэн».) Жизель бежала, стиснув виски обеими руками могучим жестом брошенных и безумных девушек. Условная, неживая кукла Жизель. Балет из жизни условно влюбленных, условно брошенная Жизель, неостановимая и опасная, как близкое мельканье вагонных колес. «Она — Анна!» — внезапно поняла Таня.

— У вас так бывает? — спросила Лан.

«Лан самая смелая, самолюбивая и робкая. Только иногда улыбается как-то зло, как подросток. Злится на Жизель?»

...Первая смена вскакивает как солдатики, за окном синё...

О Жизели скоро уж никто не вспоминал вслух. (Жизель все бежала со спаленными цветами.) Они мерили Танины туфли на высоком каблуке, урок давно прошел, прошли все уроки, и Таню ждал новый первый класс. И вдруг в разговоре возникла Анна...

«Оказалось, все читали Толстого. Это было как подарок. Толстой был понятен — Анна близка и понятна! Дело не в том, что я не доверяю переводам. Девушки, они поняли Анну, как только женщина ее может понять, глубоко. Пожалуй, мне они помогли Анну открыть и заново объяснить. Как много впереди нам всем предстоит узнать!»

Прошла теплая зима, прошла весна, и было лето. Ларису Грицюк позвали из дома на свадьбу брата. Лариса приехала и захлопоталась. Нужно было перестирать гору полотенец, чтобы класть гостям на колени за столом. И так Лариса стирала в простом халатике, когда отворилась дверь, и она обернулась с мыльными руками, сдувая прядь со лба...

— Ну, рассказывай же!

— Он самые лучшие слова для меня нашел, девушки.

...Как много впереди!

— Ко-за-о! — кричат Тане через дорогу.— Учительница! — А Таня идет не одна.— Таня, Таня!..

«Я не знаю, как описать любовь. Она здесь, в моем сердце. Жжет. Но главное, что должно быть,— это верность. Я спросила Валю, которая работает рядом со мной, есть ли у нее любовь. А Валя говорит, есть Коля, он в армии и скоро вернется. «А если не скоро — будешь ждать?» — спросила я, а Валя молчит. Какая она красивая! Беленькая такая. И еще не знает, как люди ждут. Сама я такая, сама я!»

Так говорила Хо Тху Оань, в ее детстве упал рядом с домами сбитый самолет, с летчиком...

Все они учились хорошо работать и начали просто жить. На ноябрьские праздники Дальмина Капустина, инструктор по прядильному делу, сказала своей группе: приходите в гости,— и наготовила полный стол, и пригорюнилась, и стала слушать, кто откуда и какая большая семья, а потом глаза ее сделались мокрыми, и она побежала в комнату дочери и высыпала на пол все игрушки и закричала весело: «А ну-ка, играйте, девчонки!» А сама пошла в кухню, и мыла чашки, и смотрела в окно, замерев, и подумала: «Как много в жизни трудного — работа, семья. Девочки еще не знают. Это — впереди. А сама я в своей жизни много работала. С юности, с девичьих лет много работала. Когда поживешь, то увидишь, что в жизни приходится очень много работать. Это сама жизнь и есть. Другой не придумали. Не будет другой у моих девочек. Мои девочки все честные, хорошие».

...А в любви хозяйка судьба. И переупрямит.

Иваново

Только инициатива, личный вклад каждого — от рабочего до директора — в проведении курса на усиление режима экономии везде и во всем дадут ощутимые результаты.

К. У. ЧЕРНЕНКО

ЭКОНОМИЯ СО ЗНАКОМ ПЛЮС

В. МОЕВ

Меня попросили в «Ровеснике» предварить несколькими словами четыре корреспонденции из разных стран — Венгрии, ГДР, Польши и Чехословакии. Тема у них одна и слово, которое встречается чаще всего,— это слово «экономия».

С ним происходят интересные превращения.

Перевал от детства к юности у моих сверстников пришелся на конец войны — начало мирной жизни. Помню, как за пять минут до звонка на большую перемену дежурного в нашем классе отпускали с урока. После этого никто уже не сводил глаз с высокой классной двери, обшарпанной нашим шмыганьем. И вот слегка разболтанная дверная ручка, оставлявшая на пальцах вкус меди, наконец вздрагивала, и дверь от толчка снаружи начинала открываться. Пока она шла к стене, дежурный успевал вступить на два-три шага, так, что поднос, который он держал двумя руками перед животом, открывался на всеобщее голодное обозрение. Это не называлось тогда ни завтраком, ни как-нибудь похоже, просто — хлеб. «Давали хлеб?» «Скоро хлеб!» «Вот и хлеб!» Черные ломтики с белыми холмиками сахарного песка были тонки; если взять за край, ломались. Поэтому с подноса их сдвигали на подставленную ладонь, а с ладони прямо в рот. Закрою глаза и вижу: всех нас, оживленных шествием дежурного от двери, и директора школы, преподававшего ботанику, как он стоит у доски в широченных галифе, поджал пепельную губу, и в глазах такая неподвижная скорбность, будто мы не жуем всем классом, счастливо хрустя сахаринками, а расстаемся с последним куском.

Мы были равны; одна долька хлеба сдвигалась с подноса на учительский стол.

Поколение наше оказалось последним, которому краем судьбы, но выпало отпробовать, почем фунт настоящего лиха. Говорю не для того, чтобы исподволь пустить шпильку младшим: вам-то, мол, что, живи — не хочу... Пустые это счеты, сравнивать кому как. Говорю просто в том смысле, что мы последними застали то, что называется лишениями в самом простом и насущном. Дальше уже никому не пришлось видеть, как это пухнуть с голода и падать у доски в обморок и что за ужас, мало чем уступающий ужасу смерти, обливает от слов «потерял карточки» (талоны, по которым каждый день получали хлеб, выдавали сразу на месяц).

В те годы об экономии поневоле говорилось и думалось на каждом шагу. Дома, в школе, в очередях, на работе у взрослых. Слово это было частью нашей жизни. Понятное дело! Сознавали — надо экономить, видели — без экономии не проживешь. И ежились от того же: экономить — значило чего-то не получать, перебиваться. К экономиии вынуждала бедность.

Может, поэтому остро чувствуется метаморфоза, происходящая со знакомым словом сейчас. О чем речь? Опять экономия от нехваток? Отнюдь. В корреспонденции из Венгрии вы встретите очень точное и тонкое наблюдение. Цитирую: «Примечательно, что и то и другое нововведение (по экономии.— *В. М.*) первыми взяли на вооружение именно те хозяйства, которые и по производственным показателям впереди, которым и экономить-то, казалось бы, ни к чему». Не в бровь, а в глаз.

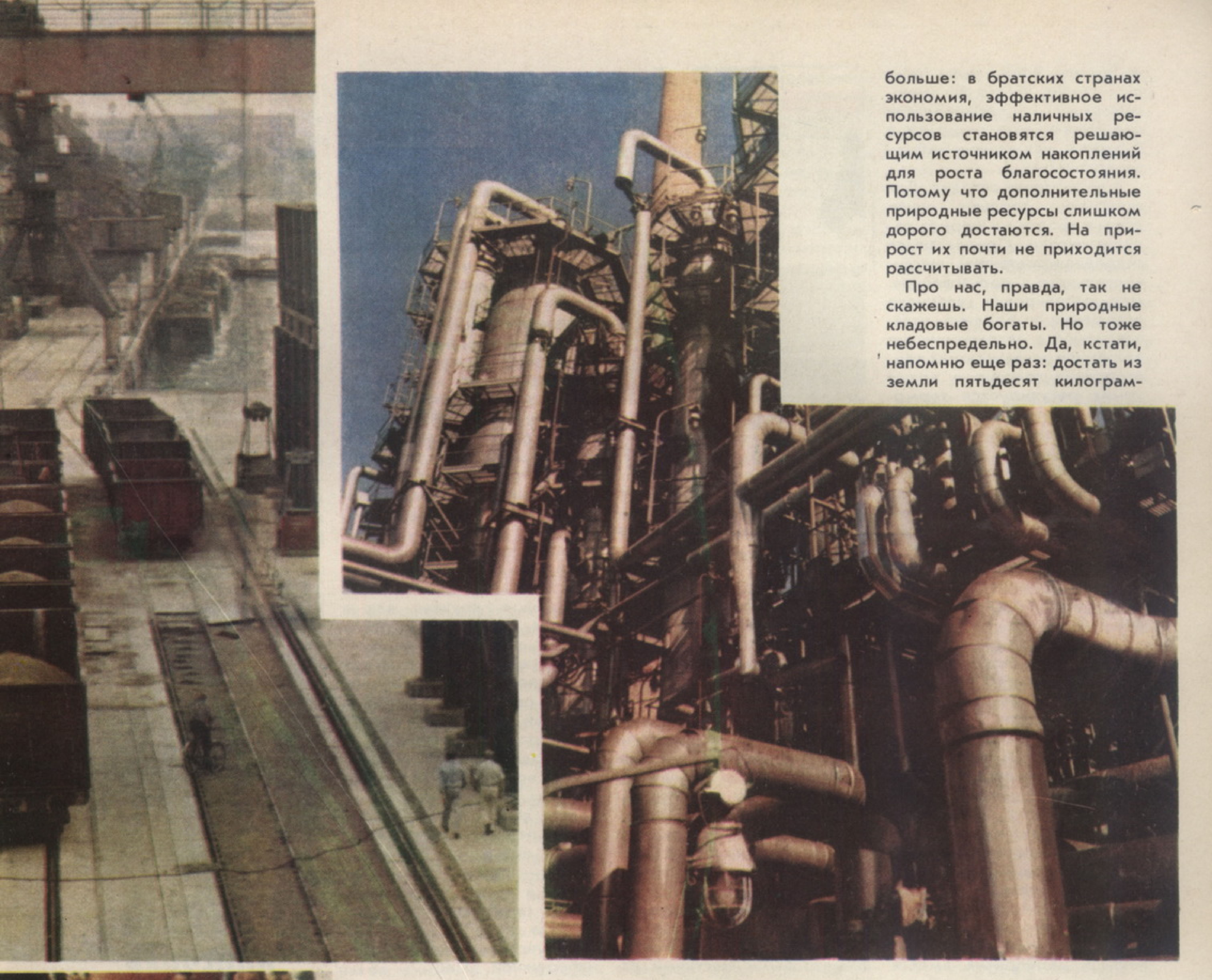
По прежней логике, «казалось бы, ни к чему», а в действительности к экономии, о которой идет речь сегодня, первыми обращаются не те, кто работает хуже, живет победнее, отстал от прочих, а те, кто по всем статьям впереди. Или кто хочет совершить рывок вперед. Это не парадокс.

Социалистические страны вступают на путь интенсивного развития. Громадный поворот. Достаточно сказать, что такого по «калибру» не встречалось за все время строительства социализма. Хозяйство каждой страны стало сложным, гигантским по масштабу организмом, в котором перелопачиваются горы и горы сырья, выпускается и используется несметное множество видов продукции и... образуются монбланы отходов. Одновременно продолжают возрастать и потребности. Раньше для удовлетворения их накатанным считался один путь. Скажем, хочешь иметь больше медного кабеля — добывай больше медной руды.

Теперь во множестве таких конкретных примеров все острее обнаруживается альтернатива. Можно увеличить добычу руды — да; для производства одного килограмма меди ее нужно (заглядываю в корреспонденцию из ГДР) 50 килограммов. Возьми-ка их, когда шахты углубились больше чем на 800 метров. Но для той же цели достаточно, по расчетам, и трех килограммов старого медного кабеля. Всего трех, и лежит он под руками. Экономисты считают, сравнивают и указывают, что второй путь гораздо дешевле, требует куда меньше затрат. Он экономичнее и, следовательно, предпочтительнее. Так передовые методы хозяйствования настойчиво указывают на необходимость бережно, как можно эффективнее использовать энергию, сырье и материалы, работать с минимумом отходов, да и этот минимум непременно утилизировать. Богатство обязывает. А кому хозяйственная экономия удается лучше, тот и впереди.

С экономией происходит и вторая метаморфоза. С довоенных еще времен нам

больше: в братских странах экономия, эффективное использование наличных ресурсов становятся решающим источником накоплений для роста благосостояния. Потому что дополнительные природные ресурсы слишком дорого достаются. На прирост их почти не приходится рассчитывать.

Про нас, правда, так не скажешь. Наши природные кладовые богаты. Но тоже небеспредельно. Да, кстати, напомню еще раз: достать из земли пятьдесят килограм-

многое приходилось экономить ради высших целей — строительства индустриальных первенцев, укрепления обороноспособности. Понимали, что надо. И понимали, какой ценой — отрывая от себя. Недоедали. Не привередничали с нарядами. Теснились в «коммуналках», да мало ли... Жизнь, прямо скажем, от такой экономии краше не становилась. Зато потом, говорили себе, в будущем...

Будущее тех героических и суровых лет — это наше настоящее.

Нынешняя экономия никак не подразумевает новых житейских самоограничений, аскетизма, хотя бы и благородного. Напротив. Примечательно, что в нынешней социально-экономической политике наших стран экономии отводится роль важного рычага именно для улучшения благосостояния, повышения уровня и, как теперь говорят, качества жизни. Ну в самом деле. Государственный карман, он ведь один. Взяли, к примеру, побольше для добычи нефти или производства электроэнергии — осталось поменьше на всяческие благоустройства жизни. И наоборот. В ГДР, как прочитаете, три четверти выплавляемой стали не требуют нового производства чугуна — используется металлолом. Годами уже совершенно не производятся бутылки: «челноком» обращаются те, что выпущены. Значит, средства на «чугунное» или «бутылочное» производство высвободились, пускай их хоть на строительство жилья, хоть на выпуск ширпотреба. Поляки проектируют коммерческие корабли на парусах, значит, не надо жечь в топках мазут и уголь. Можно сказать

мов медной руды куда трудней и накладней, чем собрать три килограмма металлолома.

Экономия нынче нужна всем, чтобы быть богаче и жить лучше.

И наконец, метаморфоза третья. Экономия, на которую приходилось идти в первые послевоенные годы, как бы перечила культуре, науке и технике, сдвигала жизнь во вчерашний день. В доме, где мы жили в Мичуринске, две из трех комнат стояли наглухо закрытыми. Ютились семьей в одной комнате, иначе не протопишь. Да и топилась не печь, а приставленная к ней «буржуйка»; потрешь над ней руки — по малиновому железу побегут звездочки. Огонь добывался кремнем и трутом, словно бы спичек еще не изобрели. Мужики вертели самокрутки, словно папирос и в помине

не бывало. Зерно тетка толкла в ступке, будто бы мукомольному производству предстояло еще родиться в будущем, как какому-нибудь электронному...

А посмотрите сегодня. Для экономии топлива наши друзья вводят на фермах гелиоустановки. Предлагаются гидроэлектростанции «индивидуального пользования». Для регулировки уличного освещения в Берлине устанавливаются автоматические включатели-выключатели, отопление квартир в новых домах регулируется термометрами-датчиками на наружных стенах. В кооперативе «Слушовицы» автоматика считает пробег каждой машины и все заправки: сэкономил водитель литр против нормы в бухгалтерских счетах — опять же автоматически! — ему наскакивает 3 кроны премии, перерасходовал литр — четыре кроны штрафа.

То есть, куда ни оглянись, видишь: экономия не только не требует чем-то поступаться в культуре или технике, но именно их достижения — наиновейшие! последние! — выбирает своим новым орудием. Экономия вся, как говорят, завязана на технический прогресс, осуществляется не вопреки ему, а в союзе с ним, в опоре на изобретательность и новинки. Известны интересные расчеты. Если взять всю сумму экономии за сто процентов, то окажется, все организационные меры и мероприятия, вместе взятые, гарантируют не больше двадцати процентов. А оставшиеся восемьдесят нельзя получить иначе, нежели подключив весь прогресс.

Экономия в современном мире многолика, как никогда. Мне же хотелось только побудить к размышлению о том, что она означает в целом для современного мира, почему в решениях нашей партии, в хозяйственной политике, во всей нашей жизни ей отводится теперь такая выдающаяся роль. В одной экономической работе я встретил фразу, которая, пожалуй, суммирует эти заметки: «Экономия со знаком плюс». Именно.

Экономия, которая некогда отзывалась разными «вычитаниями» из каждодневной жизни, теперь меняет знак и дает прибавления.

Тем она и ценна. Тем незаменима.

ПАРУС и ЭВМ

А. ПОТЕМКИН, корреспондент ТАСС в ПНР — для «Ровесника»

Польша, одна из крупнейших судостроительных держав Европы, да, наверное, и всего мира, и показательно, что именно здесь решили использовать самый древний источник энергии — ветер в судостроении. Конструкторское бюро судостроительной верфи имени В. И. Ленина в Гданьске в сотрудничестве со специалистами Варшавского института авиационной техники завершило разработку проекта крупного грузового парусного судна. Наряду с традиционным двигателем корабль предполагается оснастить пятью мачтами с 40-метровыми жесткими парусами-крыльями, аэродинамическая конструкция которых запатентована польскими инженерами. Это судно, предназначенное для польского торгового флота, будет забирать на борт 23 тысячи тонн массовых грузов и его скорость под парусами достигать 12 морских миль в час. Все управление парусным такелажем принимают на себя автоматика и ЭВМ. Для обслуживания парусного судна не понадобится ни одного члена команды сверх обычного штата.

— Мы стоим на пороге строительства современных парусных кораблей нового поколения,— говорит советник управления морского хозяйства ПНР Славомир Чеслиньский.— Еще ближе осуществление целого ряда других предложений наших специалистов. Например, оснащение парусами, дополняющими основной двигатель, уже существующих торговых судов. Подсчитано, что применение таких парусов, а для этого нет необходимости в серьезной перестройке корабля, может дать 20—30 процентов экономии дизельного топлива.

Для внедрения в практику этих предложений, по мнению специалистов, и в народной Польше, и в СССР, и во многих других странах технические возможности уже есть, и конструкторы работают над созданием таких судов. Но, оказывается, на пути возрождения парусного флота в новом, современном облике возникает определенный психологический барьер. Нужны энтузиасты парусных кораблей, будущие капитаны «крылатого флота». В ПНР в этом деле уже накоплен интересный опыт. Примерно тысяча харцерских дружин, как в Польше называют отряды Союза польских харцеров, под руководством опытных яхтсменов изучают парусное дело, овладевают сложной морской наукой. Почти 90 процентов поступающих в мореходки республики являются воспитанниками харцерских яхт-клубов.

Мне довелось быть свидетелем первого прихода гордости польского парусного флота — фрегата «Дар молодежи» в крупнейший город-порт республики Щецин. Встреча корабля, пришвартовавшегося к центральной набережной Щецина возле древнего Замка поморских князей, вылилась в настоящий молодежный праздник. Корабль вполне соответствует имени, которое носит,— «Дар молодежи». Он сооружен на средства, заработанные на молодежных субботниках и собранные школьниками, студентами и молодыми рабочими, харцерами и членами Союза социалистической польской молодежи. Сегодня в самых отдаленных от моря уголках ПНР можно встретить ребят и девушек с голубым значком участника сооружения фрегата. А назначение учебного корабля — практическая подготовка будущих мореходов.

Чрезвычайно интересен и смелый эксперимент, получивший название «Школа под парусами». С одобрения Министерства просвещения и воспитания ПНР в свой первый рейс с учащимися старших классов общеобразовательных лицеев на борту вышла в плавание баркентина «Погория». Дело в том, что корабль задуман и построен с мыслью о школьниках, здесь есть нормальные учебные классы, рассчитанные на 30 человек. 33 юных моряка были отобраны из сотен претендентов, которых выявил специальный телеконкурс. Им предстоит пройти в «Школе под парусами» до далекого Индийского океана, посетить десятки портов мира, освоить профессию моряка парусника, под руководством профессиональных педагогов выполнить годовую школьную программу. Причем от их успехов зависит, пойдут ли в далекие рейсы следующие классы «Школы под парусами».

ПРИВЫЧКА, ПОЛЕЗНАЯ ВСЕМ

С. ДАРДЫКИН, корреспондент «Известий» в ВНР — для «Ровесника»

Года два-три назад он чуть ли не каждый вечер появлялся на телевизионном экране, симпатичный герой рекламных пауз-одноминуток, мультипликационный электросчетчик по имени Форго-Морго, Ворчун-Бурчун. Вертится, убыстряя обороты, диск, отмеривающий киловатт-часы, а заодно, заметим, и форинты: стараясь перекричать ревущий пылесос, надрывается радиоприемник, в пустой комнате забыли погасить свет, светится забытый экран телевизора... Все это мелочи, стоит ли твердить об одном и том же?

Ответ дало телевидение, проделав такой эксперимент. Прервав однажды передачи сразу по всем каналам, чтобы шире собралась аудитория, диктор обратился с просьбой осмотреться вокруг и по сигналу выключить все лишние электроприборы. И хотя непосвященному трудно было разобраться в показаниях диспетчерского табло на главном пульте электросетей, где предусмотрительно поместили телекамеру, ожившие на нем цифры и учащенное мелькание лампочек могли означать только одно: нагрузка в сети поползла вниз. Комментарий специалиста был убедителен: если бы умеренность потребителей продержалась на этом уровне хотя бы час, смогла бы «передохнуть» вполне солидная электростанция.

Небогатая энергоресурсами Венгрия вынуждена покрывать значительную часть своих потребностей в электричестве и топливе за счет импорта. На XII съезде ВСРП в числе основных народнохозяйственных задач указывалось на необходимость последовательного осуществления долгосрочной программы рационального использования энергии, экономии топливных ресурсов. Конечно, первые строки этой программы адресованы экономике в целом, энергетике, промышленности. С конца прошлой пятилетки предприятия и объединения, крупнейшие потребители промышленного электричества, сверяют всю свою производственную деятельность со специальными планами экономии энергоресурсов.

Бережливее повел себя и так называемый бытовой потребитель. Конечно, было бы преувеличением приписать эту расчетливость исключительно воспитательной работе. Красноречивым агитатором в пользу экономии стали и выросшие потребительские цены на электричество и отопление. Но ведь можно же, как выяснилось, быть экономнее, вовсе не ограничивая себя в комфорте. Нужно только быть внимательнее к показаниям электросчетчика, с которыми теперь теснее связаны интересы и семейного бюджета и общегосударственного.

Никто не станет отрицать: отапливать улицу в зимнее время не самое выгодное дело — тепла не напасешься. А сколько может быть потеряно из-за небрежной теплоизоляции квартир? Оказывается, тоже подсчитано: до двадцати пяти процентов энергии, расходуемой на отопление жилья. Естественно, мало проку только напирать на сознательность граждан, важнее создать реальные условия для экономии. Вот почему в Венгрии вопросу о выпуске нехитрых приспособлений для регулировки температуры в комнатных батареях сумели придать в свое время государственное звучание, подключив к его решению большие предприятия. Квартиру-новостройку можно сдать приемной комиссии только при наличии таких приспособлений...

Первой ласточкой эпохи экономной бытовой техники несколько лет назад стали модульные телевизоры предприятия «Видеотон». Они практичнее в сборке и при ремонте (целый блок, в котором обнаружена неисправность, в считанные минуты заменяется на другой, а поломку потом устранят в мастерской, владельца телевизора она уже не касается, отсюда и название — модульный), а главное, чуть ли не вдвое меньше потребляют электроэнергии. «Видеотон» быстро полностью перешел на более современную продукцию и сумел организовать ей хорошую рекламу. Каждый модульный телевизор снабжен броской фирменной этикеткой — она же лотерейный билет, который прямо в магазине посоветуют направить в адрес предприятия. Счастливчики могут получить назад цену только что приобретенной новинки. Неудивительно, что столь умелый ход привлек к новым телевизорам повышенное внимание покупателей, а потом и надобность в дополнительной рекламе отпала.

В самом большом будапештском универмаге «Шкала» я обратился в справочное бюро с просьбой подсказать, в каких отделах и секциях можно приобрести товары, которые помогут сэкономить энергию в домашних условиях. В итоге получился обширный перечень: несколько наименований пленки для изоляции окон, экономичные электролампы комбината «Тунгсрам», стиральные машины «Энергомат», холодильники с пониженным расходом энергии, обои с повышенной теплоизоляцией... Практически все новинки промышленности гарантируют тот или иной процент сбереженного тепла или электричества: с недавнего времени в актив предприятиям, помимо непосредственной экономии, достигнутой в процессе производства, записывается и экономия, заложенная в конструкции изделий. Будь то станок-автомат или просто комнатный радиатор.

Особая статья — строительные материалы. Вот где были вскрыты поистине неисчерпаемые резервы рачительного отношения к теплу. Выяснилось, например, насколько более надежной преградой холоду может служить обыкновенный кирпич, если предусмотреть в нем специальные полости. «Поротон» и «Термотон» — последние достижения кирпичной промышленности в этой области. А есть еще морозостойкие оконные рамы и двери, бетонные перекрытия, половые покрытия и составы для штукатурки внутренних и наружных стен.

«Ровесник» (№ 7 за 1982 год) уже писал о том, какую ощутимую экономию бензина принесла в Венгрии новая система расчетов на бензоколонках. Напомним, что три года назад в стране были отменены талоны на бензин, введены более жесткие нормы расходования горючего. На их основе стали определяться те наличные деньги, которые выдаются водителям для приобретения бензина. Все, что удается сэкономить, идет в качестве своеобразной премии за бережливость в карман самому шоферу. (Но и перерасход тоже из собственного кармана.) Помимо снизившегося потребления бензина, писалось тогда, новая мера принесла и другие немаловажные плюсы. Окрепла трудовая дисциплина на автотранспорте, уменьшилось число любителей неоправданной езды «с ветерком». За три года нововведение полностью оправдало себя, оказавшись выгодным и для государства, и для водителей, подтвердив, что существенной экономии можно добиться без дополнительных капиталовложений, а с помощью хорошо продуманной и организованной административной меры. И здесь самое время упомянуть об еще одной мере.

В Венгрии практически невозможно встретить на шоссейной дороге порожний грузовик. Максимально разрешенный пробег с пустым кузовом — тридцать километров. А дальше — весьма болезненный штраф и для самого водителя, и для командировавшего его предприятия. Чтобы избежать его, водители уже привыкли наведываться в специальные диспетчерские бюро, имеющиеся в каждом городе, где подыщут попутный груз. Что ж, в понятие бережливости входит не только сэкономленное горючее, но и горючее, использованное с максимальной отдачей.

А отдача может быть и весьма значительной. В Шалготарьяне, на самом большом в стране стекольном предприятии тепло «горячих» цехов полностью обеспечивает потребности в тепловой энергии все производство. А так как вторичного тепла все равно оказалось в избытке, остаток его пущен на отопление близлежащих жилых кварталов. Сейчас руководители предприятия и городские власти вынашивают планы строительства нового спортивного комплекса, украшением которого станет плавательный бассейн с подогреваемой водой.

Точно так же еще сравнительно недавно не знали, что делать с отходами сельскохозяйственного производства. Сегодня венгерская промышленность освоила такие котлы, в которых с высоким КПД сжигается все, что остается после уборки урожая. Другой пример из сельского хозяйства — так называемая технология хранения зерна без предварительной просушки, получающая все более широкое распространение. Примечательно, что и то и другое нововведение первыми взяли на вооружение именно те хозяйства, которые и по производственным показателям впереди, которым и экономить-то, казалось бы, особенно ни к чему.

Как ни расчетливо подсчитывается в Венгрии каждый форинт, отпускаемый на капиталовложения, и Госплан, и Национальный банк всегда изыщут средства, если речь идет о разработке новой технологии, усовершенствовании или проекте, способных принести выигрыш в энергии. К концу минувшего года от промышленных пред-

приятий поступило на конкурс больше двух тысяч проектов, предусматривающих такую реконструкцию производства или модернизацию технологического процесса, результатом которой станет сэкономленная энергия. Около половины из них одобрены, включены в планы и получат финансовую поддержку.

...Однажды зимой я стал свидетелем того, как сосед серьезно выговаривал сыну за оставленную нараспашку дверь в подъезде. Мультипликационный электросчетчик Форго-Морго может быть доволен: и в большом и в малом у венгров входит в привычку бережливость.

КАК ИЗ СТА ПФЕННИГОВ СКЛАДЫВАЕТСЯ МАРКА

Н. БАБЫКИН, В. СМЕЛОВ, корреспонденты ТАСС в ГДР — для «Ровесника»

У подъездов домов в Берлине и других городах ГДР стоят аккуратные контейнеры с надписями: «Металл», «Пластмасса», «Битое стекло». Интересно, что может попадать в «Металл», ведь не каждый день мы выбрасываем старые кастрюли или прохудившиеся тазы. «Металл» почти доверху наполнен алюминиевыми баллонами из-под аэрозолей. Такая мелочь! А между тем 22,5 тысячи баллонов — одна тонна алюминия, и при выплавке этой тонны из лома сберегается почти 50 тысяч киловатт-часов электроэнергии. В «Пластмассу» попадают коробочки из-под кремов, флакончики из-под моющих жидкостей, а цифры экономии тоже внушительные.

Теперь задержимся у контейнера «Битое стекло», оно в нем действительно битое, потому что целые бутылки и банки можно сдать в любом продовольственном магазине. Между прочим, в ГДР уже несколько лет не выпускают бутылок — вполне хватает имеющихся. Экономисты подсчитали, что, например, пивная бутылка циркулирует между покупателем и прилавком в среднем более 30 раз, прежде чем попадает в контейнер. А из него — на второй круг. Использование «бутылочного» боя в качестве сырья для стекольной промышленности возросло за последние два года на 50 процентов, а это значит, что общественная кладовая республики стала богаче, в том числе и энергией.

Это только один пример того, как можно «замкнуть круг» производство — отходы — производство, или, если сказать проще, полностью использовать в дело все отходы.

Какие строительные материалы используются в ГДР? На этот вопрос первоклассник берлинской школы Детлеф Рейнхардт отвечает без запинки: «Дерево, бетон, кирпич, сталь, зола...» Да, совершенно верно. Как известно, ГДР богата бурым углем, на нем работает большинство электростанций. Куда девать золу и шлаки? Проблема, сама по себе заслуживающая внимания: терриконы золы и шлаков занимают полезную площадь и загрязняют воздух. В республике же эти отходы превратили в полезное сырье. Более 200 тысяч тонн золы, например, используется на цементных заводах, ее добавляют к некоторым сортам бетона, полученные панели и блоки от такой добавки становятся прочнее, а следовательно, продлевается жизнь построенных из них зданий. Вообще же называть буроугольную золу отходами даже неловко, столько применения она находит в народном хозяйстве: в качестве звуко- и теплоизолирующего материала, для повышения плодородия почв, для подкормки овощных и технических культур, в строительстве дорог, для получения окиси железа, в качестве топлива (!) для ТЭЦ. Так круг замкнулся: ученые разработали технологию, позволяющую снова использовать золу в топках ТЭЦ. Остается только добавить, что по промышленной переработке этого вида вторсырья ГДР занимает первое место в мире.

Полностью замкнуть круг удалось и некоторым предприятиям деревообрабатывающей промышленности. Здесь с недавних пор и понятия такого не существует — отходы. На второй круг запускают буквально все: опилки, стружки, сучья, кору... На деревообрабатывающем заводе в Лейпциге действует поточная линия с бункерами-накопителями, которая позволяет ежегодно заменять 10 тысяч кубометров древесины стружкой.

Рассказ о полезности буроугольной золы мы начали с первоклассника Детлефа Рейнхардта вполне сознательно. Каждый гражданин ГДР знает о том, как выгодны в народном хозяйстве вторичные материалы. Радио- и телепередачи, наглядные плакаты сообщают, например, что для добычи одного килограмма меди необходимо построить шахту глубиной более 800 метров и поднять на-гора 50 килограммов медной руды, а три килограмма старого медного кабеля при значительно меньших затратах и труда, и денег, и топлива тоже дают один килограмм меди. И это знание и сознание личной ответственности за развитие экономики страны плюс четкая организация сбора любого ценного сырья дают отличные результаты: доля металлолома в производстве стали составляет 70—75 процентов, меди — около 40 процентов.

Вторсырье, конечно, легче учесть и собрать на предприятиях и в учреждениях, но и здесь без хорошей организации не обойтись. В ГДР на заводах и фабриках введена должность государственного уполномоченного по заготовкам вторсырья, в его обязанности входит контроль за всеми отходами, их сохранность на складах и вывоз к потребителю. Важно, что и предприятию выгодно рациональное использование отходов. Например, за каждую тонну сданного металлолома завод или фабрика получают 145 марок, так на автомобильном заводе в Эйзенахе за сдачу стальной стружки, спрессованной в брикеты, ежегодно получают более двух миллионов марок.

Столь же по-деловому относятся в ГДР к сбору макулатуры. Ныне бумажная промышленность республики более чем на 45 процентов удовлетворяет свои потребности из этого дополнительного и практически неисчерпаемого источника. В среднем на каждого жителя приходится примерно по 16 килограммов сданного бумажного сырья.

Комбинат «Зеро» работает среди населения. (Это ему принадлежат контейнеры «Металл», «Битое стекло» и т. д.). В его распоряжении 1200 приемных пунктов, передвижных и стационарных, которые обслуживают все население республики, у него десятки помощников на общественных началах, но за вполне достойное вознаграждение за собранный утиль.

Под девизом «Сберечь миллионы для республики» ведет кампанию за бережливость Союз свободной немецкой молодежи. Государство всемерно поддерживает эту инициативу. Уже на протяжении ряда лет в Государственном банке ГДР открыт специальный счет ССНМ, куда переводятся средства, вырученные от сдачи собранного его членами вторичного сырья. Половина итоговой суммы идет на счет Центрального Совета ССНМ, четверть отчисляется в пользу районного или окружного Совета, а оставшиеся 25 процентов получают непосредственно сборщики. Так находятся в гармонии и интересы государства, и материальная заинтересованность молодых.

Сама жизнь подтверждает верность одного из магистральных направлений развития экономики ГДР: вторичное — это не второстепенное, а полноценное сырье, которое необходимо возвращать в производство.

Подобно тому как из ста пфеннигов складывается марка, так использование в дело каждого килограмма лома, макулатуры, отходов позволяет республике более 10 процентов потребностей в сырье удовлетворять за счет вторичных материалов.

СОЛНЦЕ, ВЕТЕР И ВОДА

В. ЯРОШЕВСКИЙ, корреспондент ТАСС в ЧССР — для «Ровесника»

Использовать все ресурсы, дарованные природой, с максимальной эффективностью — лозунг дня, взятый на вооружение чехословацкими специалистами.

В Чехословакии в среднем в году бывает 180 солнечных дней. Эти данные метеорологии привлекли внимание энергетиков. Во многих госхозах и сельхозкооперативах на животноводческих фермах бойлеры заменили солнечными коллекторами. Результат? Затраты электроэнергии снизились на 75 процентов. Пока речь идет об эксперименте достаточно масштабном, но все же эксперименте. О повсеместном использовании энергии солнца говорить, может быть, преждевременно. Но рачительный хозяин тем и отличается от расточителя, что видит и загадывает далеко вперед.

У солнечной энергии, помимо того, что она «бесплатная», есть и другие достоинства. Заповедник Шумава крупнейший в Европе. Здесь проходит испытание практикой отношение человека к природе. В отеле «Хуранев», расположенном в живописных горах Шумавы, действовавшую до сих пор котельную закрыли, а вместо нее установили на крыше этого туристского комплекса солнечные коллекторы. Экономия топлива? Не только. Горный воздух больше не смешивается с угольной пылью. «Хуранев» — это тоже первый шаг. Предполагается во всех заповедных зонах на туристских объектах использовать гелиоустановки. Если вспомнить, что ущерб, наносимый государству загрязнением окружающей среды, исчисляется ежегодно немалой суммой в 4,5 миллиарда крон, преимущества солнечной энергии станут очевидны.

До последнего времени геотермальные воды использовались главным образом в лечебных целях и для обогрева оранжерей и теплиц. Ученые пошли дальше: в словацком городе Галанта ведутся работы по созданию первой в стране системы отопления на базе горячих водоносных пластов. Вода из трех пробуренных скважин будет отапливать целый жилой район, больницу, спортивный комплекс, даст тепло близлежащим сельхозкооперативам. Только в Словакии горячие источники обнаружены на трети территории республики. Их использование позволит ежегодно экономить 770 тысяч тонн условного топлива.

Не забыт и ветер. На юге Словакии местные механизаторы разработали и сконструировали посреднический механизм, который, используя силу ветра, вращает ротор турбины небольшой электростанции. Получаемой электроэнергией пользуются практически все подразделения этого крупного хозяйства.

В ЧССР нашли применение и так называемые тепловые насосы, в принципе похожие на домашние холодильники. Эти приборы, собирая рассеянное в воздухе или в воде тепло, способны нагревать подведенную к ним воду до 50 градусов.

Уже давно сложилось так, что коммунально-бытовая сфера, которая включает все, что нас окружает в квартире, занимает ведущие позиции в народном хозяйстве с точки зрения потребления топлива. Такое первенство никого устроить не может. Чехословацкими специалистами разработаны специальные теплоизоляционные материалы и покрытия, использование которых в строительстве позволит снизить на 15—20 процентов расход тепла на обогрев каждой квартиры. Проведенные расчеты показали: правильное пользование плитой, регулирование отопления в квартирах, применение новых теплоизоляционных материалов позволят в нынешней пятилетке сэкономить 1,4 миллиона тонн условного топлива. Например, существенные изменения претерпели... кастрюли. Они стали ниже и шире. На приготовление одного килограмма продуктов теперь расходуется меньше газа и электроэнергии.

Путей много. И везде в основе научный, инженерный и конструкторский поиск. Возможности современной техники огромны. Но оказывается, и человеческий фактор, как говорят ученые, в деле разумного использования энергии и топлива не менее важен.

Рассказывает заместитель председателя сельхозкооператива «Слушовицы» Зденек Гейзлар:

— Почему так происходит: работают два механизатора на одинаковых машинах, и объем работ примерно равный, но при этом у одного расход бензина такой, как будто он две нормы выполнил, а у другого даже излишки остаются. Собрались вместе, посоветовались и опыт расточительства внимательнейшим образом изучили. Выяснилось: причины самые банальные: один оставил работать двигатель во время короткой остановки или гоняет машину порожняком и не думает над тем, как выбрать самый экономичный маршрут. После такого анализа у нас в хозяйстве была заведена система материального стимулирования. Сэкономил литр горючего — получи к зарплате дополнительные три кроны, «выбросил на ветер» — четыре кроны из месячного заработка долой.

Но денежный стимул лишь одна сторона большого дела. В кооперативе контроль за техническим состоянием сельхозтехники строжайший. Ни один автомобиль, трактор, комбайн не выйдет в поле или на трассу, если при техосмотре обнаружены даже незначительные неполадки, которые могут привести к перерасходу топлива.

— Мы в «Слушовицах» впервые в практике сельхозпредприятий республики стали применять контейнерную перевозку грузов,— рассказывая, Зденек Гейзлар рисует на листке бумаги схему.— Система, разработанная специалистами нашего хозяйства, проста и экономична. Сберегается не только топливо, но и рабочее время, труд многих людей. Следующий по определенному маршруту автомобиль с контейнером оставляет груз на перевалочной станции, принимает другой — «попутный»— контейнер и доставляет его к месту назначения или на другую станцию. Это позволяет полностью исключить холостой пробег машин. В центральной усадьбе хозяйства построена крупная контейнерная база, а на трассе — небольшие, оснащенные высокопроизводительной техникой перевалочные станции. За оптимальной загруженностью, бесперебойной работой транспорта и своевременной доставкой грузов «следит» компьютер, который держит в электронной памяти все маршруты и графики движения.

«Рефлектор млодых» — собрат нашего «Комсомольского прожектора». В прошлом году его активисты составили подробную карту строительства в республике так называемых малых гидростанций мощностью до 10 тысяч киловатт. Экономическая выгода использования таких ГЭС очевидна: на сегодняшний день это самый дешевый источник энергии в стране. По данным «Рефлектора», в Чехословакии можно построить без крупных капиталовложений более 10 тысяч малых гидростанций, которые способны производить ежегодно более трех миллиардов киловатт-часов электроэнергии. Каждый выработанный подобным образом киловатт-час сберегает один килограмм бурого угля. Простая арифметика. Малые ГЭС могут строить не только промышленные предприятия и сельхозкооперативы, но и небольшие организации и даже владельцы дачных участков. По предварительным подсчетам, строительство гидростанции, способной обеспечить электроэнергией небольшой жилой дом, обойдется в сто тысяч крон. Затраты окупятся быстро. Более того, излишки электроэнергии владельцы ГЭС могут «поставлять» в общественную энергосеть в счет погашения кредита.

ДОРОГИ В НИКУДА

Кто-то мудрый сказал: не бойся друзей своих, они могут только предать тебя, не бойся врагов своих, они могут только убить тебя, бойся равнодушных: только с их молчаливого одобрения происходят и убийства и предательства. Две истории, которые мы публикуем в этом номере, сплошь и рядом встречаются на страницах западной прессы: это не убийства и не предательства — все гораздо будничней. Поманили надеждой и обманули. Обманщик подсчитывает барыши, обманутые... Кому они интересны на Западе, эти обманутые? Читатели западной прессы привыкли к таким историям и остаются к ним равнодушны. Поэтому такие истории и происходят почти ежедневно.

УЛЫБАЙТЕСЬ, ДЕВОЧКИ, УЛ

Анн ТЁННИССЕН,
западногерманская журналистка

Менеджер проглотил котлету.

— Ну что ж,— говорит он, вытирая замасленные усы.— Конечно, все вы типичное «не то». Но мы постараемся сделать из вас нечто.

Его зовут Маркус Хаген. Он торчит в этом маленьком городке не для собственного удовольствия: он проводит здесь предварительный конкурс красоты для фирмы «Мисс ФРГ-корпорейшн». Перед ним сидят одиннадцать перепуганных девушек. У владелицы магазина по соседству он взял напрокат платья и туфли для конкуренток и еще одно платье в качестве первого приза для победительницы. Взамен Хаген гарантировал широкую рекламу магазина во всех местных газетах с гарниром из фотоснимков «мисс». У ювелира через два дома удалось урвать тысячу марок «на мелкие расходы» и дешевые цепочки на второй и третий приз. Цветочница обещала три букета, а парикмахер «вечерние прически, чтобы они хоть на людей стали похожи».

Для конкурса сняли второразрядное диско-кафе, зажатое между цыганским ресторанчиком и процветающим ночным клубом.

Пока Хаген «достает антураж», девушки покрывают гримом свои веснушки и темные круги от усталости под глазами. Через полчаса приходит подкрепление: появляется прошлогодняя «Мисс ФРГ» Андреа Хончик. Она «из хорошей семьи». По окончании школы хотела стать экскурсоводом. Но подвернулось место ученицы продавца. Она попала в отдел мужской одежды. Сорочки. Два года. Работу она ненавидела. И сорочки, и покупателей. За месяц до профессионального экзамена один знакомый привел ее в «Мисс ФРГ-корпорейшн».

— Раз-два-три. И я уже в бикини! На предварительном конкурсе я была третьей. А на «Мисс ФРГ» вдруг победила! Сама не знаю почему.

Потом пошли провалы на международных конкурсах. «Мисс Европа» — мимо. «Мисс Мир», «Мисс Вселенная» — тем более.

Пока мы болтаем с фрейлейн Хончик, Хаген бежит наверх.

— Ну, как тут мои девочки?

Девочкам налили по бокалу игристого. Теплое вино сильно пенится. Одну конкурентку тошнит: со вчерашнего дня она ничего не ела.

Ювелир раздает цепочки из «самоварного золота». На вечер.

Появился ведущий. Он репетирует «парад красавиц». Красавица из Гамбурга передвигается в туфлях на каблуках так, что хочется предложить ей костыль. Смущаясь, она объясняет:

— Не умею я ходить на таких каблучищах... На работе я должна двигаться бесшумно, у меня там тапочки, очень удобные, я ведь служу в доме для престарелых...

Хаген направляется к кассе у входа. Он бормочет:

— Этому народу доверять нельзя — обворуют!

Цена входного билета двадцать марок, девятнадцать из них причитаются Хагену.

Сборы сегодня весьма умеренные. В зале три дюжины любителей диско. Местная пресса. Фотограф со вспышкой. Когда загремел туш и претендентки выбрались на танцплощадку, в кассе осталось больше половины билетов.

Первый проход. Жюри отмечает «интеллигентность и шарм». Ведущий заливается соловьем:

— Стартует номер три. Гертруда, златокудрая львица! Господа, прошу вас! Крошка ждет вашей симпатии.

Журналист из зала:

— Ты работаешь продавщицей?

— Да.

— А кем ты мечтала стать, когда была маленькая?

— Я?.. Врачом...

— Врачом?! Прелесть!

Жюри поднимает номера. Все дают оценку «три». «Златокудрая львица» потерпела неудачу. Кто-то свистит. Юные любители диско зевают.

Наконец местная «мисс» восседает на троне — соломенное кресло отчаянно скрипит,— ведущий надевает дрожащей от холода и перенесенных волнений черноволосой красавице ленту через плечо. Музыка — туш! Букет цветов и платье из соседнего магазина.

Полтора месяца спустя Хаген и его команда сидят в конторе и размышляют. Предварительные конкурсы прошли неудачно: из 30 запланированных удалось провести 15.

Итак, финал. Приглашены 30 девушек — по три победительницы от каждой земли ФРГ. (Дорога за свой счет, такси тоже. Иметь при себе вечерний туалет.) В назначенный день прибыли 24 кандидатки.

— Стая гусынь, а не красотки,— констатирует Хаген.— Посмотрите-ка на эту блондинку: у нее такая щель между зубами, что туда можно вставить сигарету!..

Пока готовился финальный конкурс, уехали домой две девушки из Франкфурта-на-Майне. Не захотели подписать контракт с условием, что не выйдут замуж, став «мисс ФРГ», до истечения срока контракта с фирмой. За ними собралась и девушка из Штутгарта.

И вот волнующий день позади. «Мисс ФРГ» стала Габриэла Брум, «мисс Нижняя Саксония» заняла второе место. Ссутулившись, она сидит за сценой, коленки дрожат как в лихорадке, окрашенные гримом слезы капают с подбородка...

— Я так хотела победить... Я бы сделала все... Я прошла бы по трупам... За эти три дня я похудела на два килограмма!..

Уходит за кулисы и падает в кресло ведущий. Четыре часа кряду он гонял красавиц по помосту, рекламировал профессии и хобби, сообщал самые разнообразные сведения, включая перенесенные заболевания: «Желтуха и корь, друзья мои, только желтуха и корь!» или «Хроническое воспаление среднего уха! Эта малышка, господа, перенесла 35 операций, поаплодируем мужеству нашей очаровательной соотечественницы!»

А в гардеробной новая «мисс ФРГ» натягивает джинсы. Корону у нее забрали, как только она прошла за кулисы. Рекламные договоры на 50 тысяч марок, о которых ей постоянно твердили, куда-то улетучились. Вместо них — турне по провинции с двадцатью выступлениями.

Когда Габриэла Брум со всеми своими сумками и коробками выходит наконец из дверей отеля, ее ожидает последний удар. Где ликующие толпы

болельщиков? Где поздравления, комплименты, подарки, восхищенные взгляды?.. Никого нет. Команда Хагена вместе с девушками отправилась в ресторан. Репортеров и след простыл... Что же ей делать? Домой нельзя: родители были против ее участия в конкурсе, она с ними рассорилась. Ехать к бабушке очень далеко, ужасно болят ноги, и денег на такси нет... «Мисс ФРГ», звезду вечера, гвоздь программы — ее попросту забыли!

А тем временем в Южной Корее готовился «всемирный» конкурс — выборы самой-самой красивой девушки, иначе говоря, «мисс Вселенной».

В роли «мисс ФРГ» — Катрин Глётцль (второе место прошлогоднего конкурса Федеративной республики). Катрин светловолосая, спортивная и самостоятельная девушка. За время своей карьеры «мисс ФРГ» — 2-я открывала дворец спорта в Вене, летала в Токио на конкурс «Мисс Международная Молодость» и на острова Карибского моря, где проводились выборы какой-то «межконтинентальной мисс». Сейчас она попросту безработная. Ее основное занятие — ждать и надеяться. Уже полтора года она ждет и надеется на карьеру фотомодели. А может быть, на роль в кино. А может...

Приглашение на конкурс «Мисс Вселенная» она приняла с радостью. Это работа! Уже неделю идут репетиции. По восемь часов она проводит в столичном «культурном центре». Вместе с другими претендентками (всего их 69) Катрин — она в самом заднем ряду — поднимает руки, делает четыре шага вперед, приседает и поет идиотскую песенку. Когда камеру отключают, она садится на пол и дремлет. Через неделю шоу должно быть готово. Фотографии девушек, рекламирующих мыло, чай, крем для лица и туфли местного производства, уже заполнили страницы газет.

На кинопленку снято и посещение красавицами правительственных войск. «Мисс Швейцария», болтая при помощи переводчика с офицерами, расширила свой политический кругозор: «А вы, значит, должны внимательно смотреть, чтобы эта штука хорошо летала? Вы следите за порядком, правильно?»

Больше о политике ни слова. Какие тюрьмы и террор южнокорейского диктатора против своего народа? Мистер Харольд Л. Глассер, президент «Мисс Вселенная-инкорпорейшн»,— вальяжный, седовласый господин с золотым перстнем величиной чуть ли не с кастет, крайне деликатен в обхождении с диктаторами. Уже в двадцать третий раз после мучительных трехнедельных схваток он производит на свет очередную королеву красоты. В последние 10 лет он предпочитает горячие точки планеты. Богатый жизненный опыт не обманывает бизнесмена: диктаторы всегда особенно благодарны за лакировку и блестящую мишуру.

Бизнес красоты, разумеется, не обходится без меценатов. Гигантский концерн «Проктер энд Гэймбл» поддерживает шоу более двадцати лет. С тех самых пор, когда при изучении вкусов телезрителей США было выяснено, что молодые домохозяйки считают конкурс красоты «приятной и чистой» развлекательной передачей. Другие меценаты тоже поддерживают «искусство»: в платьях от «Глория Вандербильд» девушки открывают шоу, помахивают сумочками «Мейбеллин-косметик», щеголяют в купальниках «Каталина», а при коронации телезрители видят туфельки фирмы... да не все ли равно какой!

Но говорить о коммерции мистер Глассер не любит. На официальные встречи он не надевает свой золотой браслет-компьютер и не упоминает о своих доходах. Нет. Он рассматривает спектакль мисс как нечто возвышенное, «подобное олимпийскому движению». Он любит говорить о «дружбе и взаимопомощи народов», о «служении миру и красоте», о «миссии добра и счастья»...

Не будем, однако, отвлекаться. Что же поделывают наши вестницы мира, добра и красоты? Двух мисс ангажировал на свое собрание столичный клуб. Пятерых блондинок повезли позировать для рекламы местной фабрики. А в комнате Катрин сидят две другие немецкоязычные мисс: «Австрия» (тоже второй приз) и «Швейцария». Они заняты обсуждением жгучего вопроса: кто же, если не они, имеет шанс стать победительницей?

— У «США» отвратный подбородок. «Панама» крайне неуклюжая. У «Канады» плечи как у Мохаммеда Али. У «Турции» бревна, а не ноги. «Таити» провалилась в Лондоне на конкурсе «Мисс Мир». «Австралия» — плохой товарищ: ну разве можно так бесстыдно перебивать у других все выгодные контракты, а уж как она крутится возле фотографов и обхаживает журналистов — просто противно смотреть...

Генеральная репетиция прошла гладко. В половине двенадцатого ночи после шестнадцатичасового рабочего дня обессиленные кандидатки добрались до своих постелей. А в шесть утра — завтрак. На лицах — маски из жирного крема, волосы в бигуди. По две порции крепкого кофе. Настроение мрачное. Усталые ноги не идут. В восемь автобусы с девушками останавливаются перед «культурным центром». Гремит марш. Развеваются флаги. Работают телевидение, радио, кино- и фоторепортеры.

В гримерной специалистки в халатиках бодро раскрашивают бледные лица. Из дверей туалета табачный дым валит как при пожаре.

В девять появляется жюри и занимает свои места перед кнопками компьютеров. Площадь оцеплена полицией и войсками. Несколько кварталов поодаль притаились в засаде два танка.

В девять тридцать в зале появляется Патриция Сайалеро из Венесуэлы — «мисс Вселенная» уходящего года, чье служебное время продлится еще два с половиной часа. Еще два с половиной часа на ее гладко причесанной головке будет топорщиться фальшивая корона.

— Хорошая была девочка,— говорит Глассер. Бравый солдатик! Каждый из 365 дней ее службы был распродан. Она работала на рекламу, участвовала в демонстрациях мод, в крупных шоу, во множестве турне и съемках. Каждый ее рабочий день (а выходных она в этом году не имела) приносил фирме солидный доход.

Ровно в десять — выход в эфир. В США сейчас 21 час, лучшее телевизионное время. Миллионы американских зрителей у экранов.

В двенадцать часов все кончено. Жюри вынесло решение. На весь экран рыдает от счастья победительница. Это — «мисс США».

— Улыбайтесь, девочки, улыбайтесь,— растянув в улыбке узкие губы, говорит президент фирмы «Мисс Вселенная-инкорпорейшн».

Перевод с немецкого Г. ЛЕОНОВОЙ

Дж. МИЧЕНЕР,
американский писатель

Артемиус Крэндэлл рос в негритянском квартале техасского поселка. Отца у него не было, мальчик жил с матерью, четырьмя братьями и сестрами. Он прекрасно бегал, и все соседи любовались его игрой в футбол.

Один из них и сказал белому плотнику, на которого работал:

— Этот парнишка Крэндэлл носится быстрее оленя.

Плотник, ярый болельщик футбольной [1] команды местной средней школы, сам решил посмотреть на паренька. Артемиус ему понравился. Плотник отправился к тренеру школьной команды и объявил:

— Вернор, я нашел тебе парня — лучше не бывает. Но мы должны держать это дело в тайне, а то другие уведут.

Тренер и плотник отправились к миссис Крэндэлл, дали ей немного денег для детей и сказали, что Артемиус может стать настоящей звездой их команды, если, конечно, не попадет в какую-нибудь историю.

ВЕЛИКИЙ ИСКУСИТЕЛЬ

— Он у меня хороший мальчик,— заверила мать.

Тринадцатилетний Артемиус был великолепен: широкоплечий, узкобедрый, 178 сантиметров (было ясно, что он продолжает расти и вырастет еще сантиметров на 16—18). Короткая шея практически исключала травмы, реакция была великолепной: он обладал редким периферийным зрением — быстро замечал надвигавшийся сбоку предмет и мгновенно решал, что делать.

К тому же он был послушный, прилежный и способный и если бы был белым, то был бы круглым отличником. Но в поселковой школе учителя считали, что черных учить бесполезно, и ее выпускники едва умели читать.

Жители поселка уже несколько лет мечтали о том, чтобы у них была классная футбольная команда. Крэндэлл и два других подростка могли стать ядром победного состава. Крэндэлл тренировался всю зиму, весну и осень и стал феноменальным защитником.

К сожалению, он так хорошо вырывался из захватов и прорывался по флангам, что невозможно было скрыть факт его существования. О нем прослышали вербовщики-селек-

[1] *Речь идет об американском футболе.— Примеч. пер.*

ционеры из близлежащего города. Они явились в поселок, затесались в толпу, наблюдавшую за игрой Крэндэлла, и сразу же поняли: парень просто чудо. Нельзя же позволить такому таланту пропасть в каком-то забытом богом поселке. «Любители спорта» из города пораскинули, что переселить всю семью Крэндэллов выйдет слишком накладно. Однако у миссис Крэндэлл был холостой брат — вот бы вытащить его с племянником в город.

Городской тренер прибыл к дому Крэндэллов на черном «крайслере».

— Что вы хотите для своего мальчика? — спросил он с изысканной вежливостью.— Если он будет играть у нас... телевидение... о нем будут писать газеты... наверняка получит стипендию в университете штата Техас... станет юристом или врачом.

Он нарисовал такое блестящее будущее, что мать Артемиуса согласилась на все: конечно, пусть ее сын переедет в город вместе с дядей.

— Я в суд пойду!— орал тренер поселковой команды, но он знал, что проиграл. У городских болельщиков были документы, доказывавшие, что миссис Крэндэлл слишком бедна, чтобы обеспечить всех своих детей, а ее брат в состоянии содержать старшего сына. Последнее было правдой: бизнесмены, решившие сделать свою команду чемпионом штата, предоставили дяде работу.

Артемиус Крэндэлл стал сенсацией: таких быстрых и умелых защитников прорыва город еще не видел. Дважды команда становилась чемпионом Техаса.

С учебой все было в порядке. Хотя Артемиус еле-еле умел читать и писать, учителя ставили ему хорошие отметки, и он закончил школу с высоким средним баллом. И попрежнему он был послушным, прилежным и способным. Тренер говорил:

— Крэндэлл во всех отношениях лучший молодой футболист штата Техас. Будь он моим сыном, я бы им гордился.

В предпоследнем классе школы с Артемиусом начали «случайно» сталкиваться вербовщики-селекционеры из различных университетов. Четких обещаний никто не давал — это незаконно, но намеки были понятны. Дядя оказался человеком с характером. Он понимал, что необыкновенный талант племянника должен достаться покупателю, который предложит самую высокую цену. Он прямо сказал Артемиусу:

— Нам нужно добиться контракта на крупную сумму. В какой университет ты пойдешь, неважно. Главное — это тренер, который поможет выбить контракт. Так что, парень, помни: в университете тренер тебе мало чем поможет. А вот когда пройдут эти четыре года, что он сделает для тебя — от этого в твоей жизни зависит все.

Тренер из Джефферсоновского университета Джон Тэггарт по прозвищу «Честный» единственный понял, что к чему. Он прилетел в город на самолете, принадлежавшем «Уэстерн юнайтед», компании, производящей консервы. В аэропорту ожидали два черных «кадиллака» — тоже собственность компании. Когда они подкатили к скромному домику, где жили дядя с Артемиусом, дети на улице начали кричать:

— Они приехали к герою футбола!

«Честный» Джон повернулся к детям и сказал:

— Вы правы. Мы приехали к лучшему футболисту страны.

Он знал, что ребятишки разнесут его слова по всему кварталу.

Он начал обработку дяди:

Мистер Джонс, мне рассказывали в Джефферсоне, что именно вы не позволили этому хорошему парню сбиться с пути. Мистер Джонс, я не могу назвать лучшего поступка, чем ваш, когда мужчина помогает своей вдовой сестре воспитывать детей.

Для Тэггарта заполучить двух-трех ребят вроде Артемиуса Крэндэлла означало сохранить репутацию, доходы, да и саму работу еще на два-три года. От Артемиуса во многом зависело, будет ли «Честный» Джон вести такую жизнь, к какой он привык.

— Ваш племянник хорошо учится? — спросил Тэггарт.

— Да, но отметки ему ставят за просто так.

— Мистер Джонс, предположим, ваш племянник будет принят в наш университет. Знаете, что мы сделаем в первую очередь? Дадим ему репетитора, который будет заниматься только с ним. Мистер Джонс, когда ваш племянник закончит обучение в нашем университете, мы хотим, чтобы он получил нормальное образование. Кем он захочет, тем и станет: юристом, работником управленческого аппарата.

— Он хочет заключить контракт на крупную сумму с одной из лучших профессиональных команд, мистер Тэггарт, чертовски выгодный контракт.

Тэггарт кашлянул:

— Вы следили за результатами набора университетских игроков в профессиональные команды в течение последних трех лет? Наши игроки пользуются наибольшим спросом. А знаете почему, мистер Джонс? Потому что в Джефферсоне мы учим их играть в футбол, мы учим их делать это по-мужски.

Джефферсоновский университет предоставил дяде прилично оплачиваемую работу, мать Артемиуса с детьми переселил в другой дом и тоже подыскал ей работу. Сын получил стипендию и репетитора, который учил его читать и писать и делал за него письменные работы. Короче говоря, в течение четырех лет Крэндэлл получил хорошие деньги, и он стоил этих денег.

Тренировать Артемиуса было легко. Он инстинктивно чувствовал свободное пространство, а это чувство присуще всем великим игрокам его амплуа. Он предчувствовал, где появится брешь в мощной стене игроков соперника, и прорывался с мячом на 16—20 метров, а если брешь оказывалась достаточно широкой, то и забивал.

Это был приятный, скромный, молчаливый и совсем не самоуверенный юноша. Он так любил футбол, что мог бы играть бесплатно, о чем иногда говорил. Весной предпоследнего года обучения в университете рекламный отдел выбрал его кандидатом на звание лучшего игрока в университетском футболе. Это означало массу цветных фотографий, множество интервью, вызывавших живой интерес читателей, и даже создание цветного фильма, который был разослан телевизионным станциям. Один из тренеров подсчитал, что Джефферсоновский университет потратил только на брошюру, прославлявшую Крэндэлла, 11 тысяч долларов. Но деньги были потрачены не зря: реклама помогает вербовать новых игроков на будущий год.

Репетитор Крэндэлла обратил внимание на единственный негативный аспект его пребывания в Джефферсоновском университете:

— Тренер Тэггарт, у меня не было времени учить Крэндэлла, он даже не знает таблицы умножения, какая уж тут алгебра или дифференциальное исчисление!

К началу последнего года обучения в одном из лучших университетов США знания Крэндэлла были на уровне пятого класса средней школы. Зато Артемиус стал украшением университета. Его любили и студенты, и спортивные журналисты, и телезрители.

Артемиус обладал прекрасными задатками и светлой головой. Вне всякого сомнения, он мог бы получить образование, у него были способности. Но во многих американских школах и университетах считают, если парень хорошо играет в баскетбол или футбол, он представляет такую ценность, что не надо отнимать у него время на учебники. А сам Артемиус не задумывался над тем, что годы учебы ему ничего не дали. У него были другие радости и заботы: он был одним из основных претендентов на приз лучшего игрока американского университетского футбола и одиннадцатым кандидатом на место в профессиональных командах национальной футбольной лиги. Его выбрала команда Канзас-Сити, им позарез нужен был защитник прорыва.

Начался сезон, и Крэндэлл увидел то, чего не замечал раньше: в составе команды «Канзас-Сити чифс» числилось сорок семь игроков, и лишь троим из них перевалило за тридцать. И тут Крэндэлла осенило: мало кто из защитников прорыва дотягивает в команде до тридцати — слишком опасны профессиональные травмы. Он поиграет пять-шесть лет — и все.

— А что же я буду делать потом? — спросил себя Артемиус.— Черт, я же ничего не умею! Интересно, смогу ли я найти место тренера хоть в Техасе?

Но впереди ждали важные матчи. Футбольный сезон нес с собой ни с чем не сравнимое волнение. Ему нравилось врезаться в защитников или бежать зигзагом к зачетному полю противника, ожидая длинного паса. Он чувствовал себя быстрее и крепче большинства других игроков, а ведь играл против лучших профессионалов.

Крэндэлл следил за своей спортивной формой: заклеивал пластырем щиколотки даже перед самой легкой тренировкой, соблюдал диету, режим. И в то же время он играл, не боясь блокировать самых гигантских защитников, но мысль о том, что в любой момент у него может быть повреждено колено и придется ложиться на операцию, не оставляла его никогда. Он видел игроков, оттягивавших хирургическое вмешательство, у таких вместе с поврежденными коленями кончалась и спортивная карьера.

Артемиус Крэндэлл доиграл до 33 лет. По господствующим в американском обществе понятиям именно он был наиболее преуспевшим студентом и выпускником Джефферсоновского университета, а не все будущие врачи, юристы и администраторы. Но, закончив играть, Артемиус обнаружил, что у него нет образования, работы и шансов найти ее. Его прекрасные способности оказались никому не нужны, да они и увяли без применения. Его тренер всегда говорил: «Ты знаешь не меньше других, кого мы приняли за спортивные успехи. Репетитор сделает письменные работы, а ты хоть иногда появляйся в аудитории. Отметки мы обеспечим». За всю свою жизнь выпускник университета Артемиус Крэндэлл не прочел ни одной книги (он ни разу не был в доме, где была бы еще хоть одна книга, кроме Библии, да и ее вряд ли открывали), понятия не имел об истории, точных науках, не слыхал, что такое стихотворение. Конечно, нельзя назвать его неграмотным: он мог прочесть спортивную страницу в газетах и понять, что пишут о нем в хвалебных статьях журналисты. Но для дальнейшей жизни этого было явно мало. Тренерские места для Артемиуса были закрыты: они обычно достаются белым спортсменам. Возможность получить работу в профессиональном спорте маловероятна, разве что швейцаром в каком-нибудь офисе, где его все знают и пока еще помнят былую славу.

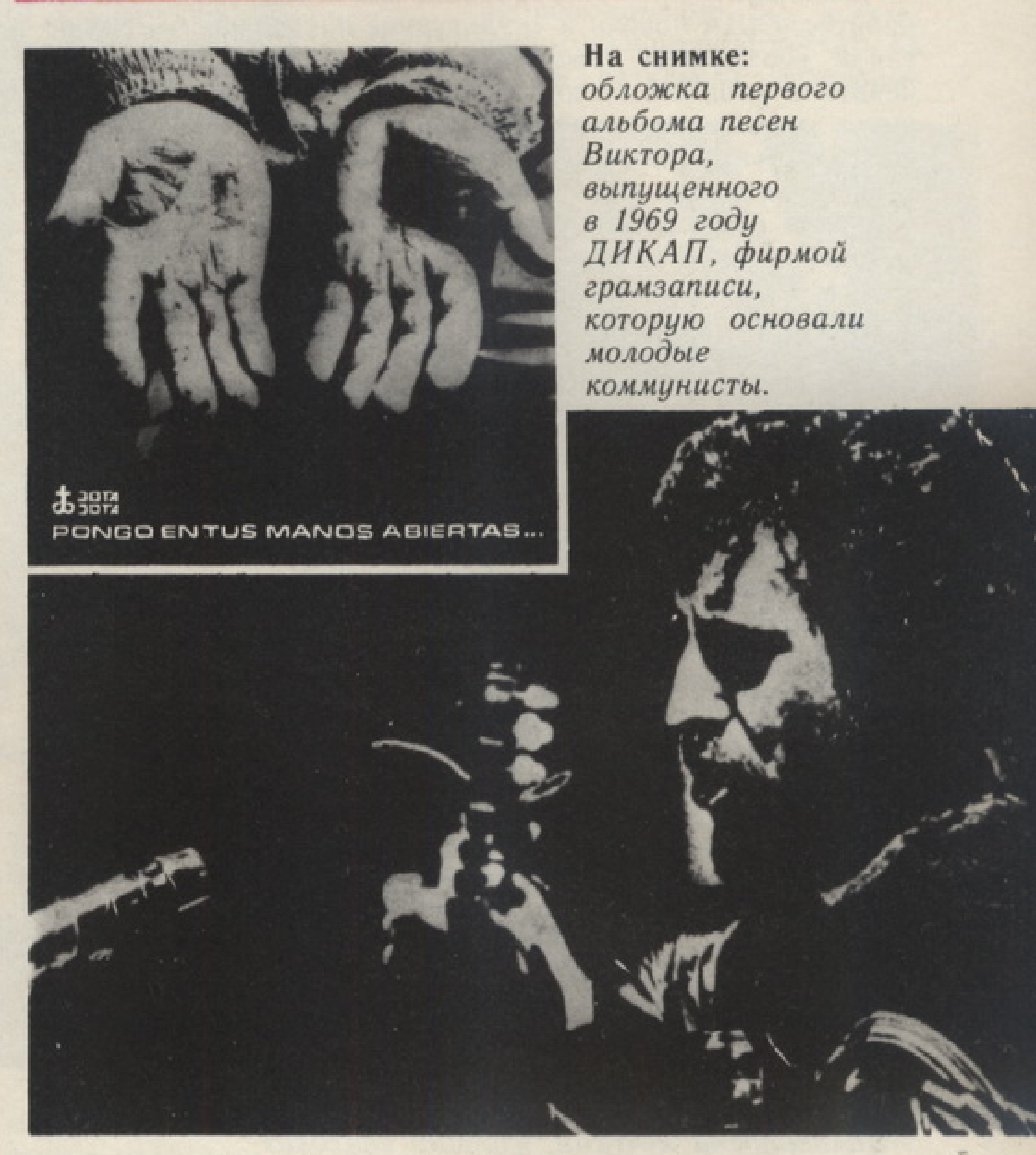
Журналист Карл Роуэн писал о том, что дал американский спорт — «великий искуситель» — таким чернокожим юношам, как Артемиус: «Эксплуататорам от спорта безразлично, какой интеллектуальный потенциал у высокого здорового парня. Им нужны, пока он может играть, его масса, мышцы, сила, рефлексы. Что будет с ним потом, не волнует ни вербовщиков-селекционеров, ни посредников при заключении контракта, ни тренеров, ни владельцев команд. Обратите внимание на тот ужасающий факт, что работорговцы от спорта лезут уже не только в выпускные классы средних школ — их интересуют школьники и помладше. Эти люди тайно предлагают подросткам деньги, машины и многое другое, что нужно, чтобы заполучить талантливого атлета».

Один из самых проницательных очерков по этому вопросу я читал в газете «Чикаго сан-таймс». Его автор — журналист Лэйси Бэнкс: «Американский спорт обеспечит вам контракт на разочарование и хандру. Многие из вас узнают, что такое безработница, тревога, страхи, возможно, психоз. Большинство окажется без диплома и профессии, которые должны были бы венчать четыре-пять лет обучения в университете, вам придется стать чернорабочими, что вам не понравится,— это же унизительно для суперзвезды, каковой вы были в расцвете своей спортивной карьеры. Все у вас окажется в прошлом, вы будете околачиваться в бильярдных и кабаках гетто, рассказывая о вашем коронном броске, и это станет вашим любимым времяпрепровождением... Не стоит ставить все, что у вас есть, на эту мечту, каким бы талантливым спортсменом вы ни были. Так можно загубить в себе другие таланты».

Сокращенный перевод с английского
Л. ВОЛОДАРСКОГО

ВИКТОР
ПРЕРВАННАЯ ПЕСНЯ

Джоан ХАРА

На снимке: *обложка первого альбома песен Виктора, выпущенного в 1969 году ДИКАП, фирмой грамзаписи, которую основали молодые коммунисты.*

Песня-оружие

К концу шестидесятых годов в песнях Виктора все отчетливее стали звучать политические мотивы — он пел о задачах, стоявших перед народами Латинской Америки, хотя героями многих его песен были конкретные люди. Пожалуй, самый типичный пример — песня «Явление». Она вышла на пластинке в марте 1967 года, и на конверте стояло скромное посвящение «Э. Ч. Г.»: в открытую назвать имя Эрнесто Че Гевары было невозможно, так как пластинку выпустила фирма «Одеон», дочернее предприятие американской фирмы грамзаписи ЭМИ. Тогда же Виктор написал для «Килапаюна» песню «Солдат». Теперь мне кажется, что во многих своих песнях Виктор как бы предсказывал свое будущее, хотя тогда ситуация, описанная в «Солдате», казалась ему только гипотетической:

Солдат, не стреляй в меня,
не стреляй в меня, солдат!
Кто повесил тебе на грудь эти медали?
И скольких жизней стоили они?
Я знаю, что у тебя дрожат руки,
не убивай меня,
ведь я твой брат.

Продолжение. Начало см. в № 3—7 за 1984 год.

Пентагон все более укреплял связи с армиями государств Латинской Америки. Прежнюю доктрину национальной обороны заменила доктрина национальной безопасности, а это означало, что важнее опасаться не внешнего врага, а бунтовщиков, «агентов международного коммунизма». США поставляли оружие для разгона демонстраций: легкие автоматы, бронемашины. «Групо мовил», специализированный отряд чилийской полиции, взял на вооружение не только американскую боевую технику, но и американские методы расправы с демонстрантами. В Панаме и в других странах Латинской Америки были созданы военные лагеря, где латиноамериканские офицеры, сержанты и полицейские учились убивать своих соотечественников — «бунтовщиков», то есть революционеров и просто недовольных.

Чтобы притушить разгоравшийся в Чили революционный процесс, США повели и «культурное наступление». Пропаганда восхваляла «американский образ жизни», газеты печатали дешевые американские комиксы, из радиоприемников лилась американская поп-музыка, по телевидению шли «мыльные оперы», кинотеатры заполонили полупорнографические голливудские фильмы... А поскольку для бедняков радио было чуть ли не единственной доступной формой приобщения к культуре, то самые бесправные оказались и самыми подверженными этой пропаганде.

В 1969 году Виктор написал песню, посвященную этой проблеме, «Кто убил Карменситу?». В ней говорилось о девушке, которая под влиянием наркотиков совершила самоубийство,— песня была основана на реальном факте. Карменсита жила в том самом нищем районе, где прошла юность Виктора.

В наглаженном лучшем платье шла она,
дрожа от тревоги, катились по щекам слезы.
Где-то там, вдали, лаяли собаки, гудели машины,
парк был темен, и город спал.
Ей только пятнадцать, а жизнь уже сгорела,
дома душно, в школе — скука,
лишь у радиоприемника оживала она,
и в глазах ее отражались идолы мгновенья,
хладнокровные торговцы мечтами,
растолстевшие от сожранных юных жизней,
они соблазнили ее, обманули,
отравили запаянным в ампулы счастьем,
любовью и фантазиями.
Она улетела,
умерла Карменсита
с кровавою розою у виска,
ушла она на встречу со своей последней иллюзией.

Она ведь не знала, что мозг ее отравлен
фальшивыми мечтами, взятыми напрокат,
не ее этот мир марихуаны и частных бассейнов,
реклам «Летите к счастью только авиалиниями
Бранифф Интернэшнл!».
А ее мир — мир нищих рабочих кварталов,
мрачных улиц, полных криков и ссор,
домов полуразвалившихся, но густозаселенных,
работы на кухне.
На ее смерти кто-то здорово заработал.
А в газетах напечатали: «Причина неизвестна».

В то время термин «песня протеста» был в большой моде. И хотя Виктора часто называли «певцом протеста», песенное движение в Чили мало что заимствовало от поставляемых из США коммерческих суррогатов этих песен. Конечно, такие певцы, как Пит Сигер, Мальвина Рейнольдс и другие, выступавшие против агрессии во Вьетнаме, пользовались большим уважением, но чилийское песенное движение все же питалось своими собственными национальными традициями. Виктор говорил: «Культурное вторжение напоминает мне раскидистое дерево, листва которого мешает нам видеть наше собственное солнце, небо и звезды. Следовательно, для того чтобы увидеть звезды у себя над головой, мы должны срубить это дерево под корень. Империализм США прекрасно понимает, какой силой воздействия обладает музыка, и пытается запудрить мозги нашим молодым людям коммерческой чепухой. При помощи экспертов-профессионалов были предприняты следующие шаги: во-первых, коммерциализация так называемой «музыки бунта»; во-вторых, создание «идолов» «музыки протеста», которые подчиняются тем же законам и испытывают то же давление, что идолы поп-музыки, с единственным отличием, что первые держатся на сцене несколько дольше последних, но и они в конце концов исчезают. Средства массовой информации США передают эти песни только потому, что они полезны для нейтрализации бунтарского духа, присущего молодости. Термин «песни протеста» обесценен, и я предпочитаю термин «революционные песни».

В воздухе пахло бурей. Быстро росло общее недовольство политикой Фрея. И среди представителей прогрессивного крыла христианско-демократической партии разочарование в их лидере становилось все более заметным.

Одним из проявлений этого недовольства было требование университетской реформы, выдвинутое в 1967 году самым элитарным и реакционным из всех «очагов просвещения» — Католическим университетом Сантьяго. Поначалу студенты всего лишь добивались бо́льшего участия в управлении университетом, но вскоре их требования приобрели политический характер. К началу нового учебного года, то есть к марту 1968-го, реформистское движение захватило все университеты. Его лидерами и в Чилийском университете, и в Государственном техническом университете стали коммунисты — преподаватели и студенты.

Прежде всего они требовали открыть доступ в университеты детям рабочих и крестьян. Надо сказать, что хотя уровень обучения в чилийских университетах считался в Латинской Америке весьма высоким, они не отвечали потребностям страны. Постепенно учебные и исследовательские программы стали все более и более зависеть от иностранных субсидий и были в основном предназначены для удовлетворения запросов многонациональных корпораций. Было совершенно очевидно, что такое положение надо изменить.

В это время Виктор вернулся из Англии. Все происходящее непосредственно касалось и его, и «Килапаюна», и «Инти-Иллимани», потому что музыканты этих ансамблей были студентами, а Виктор — преподавателем Театральной школы и режиссером Института театра при Чилийском университете. Они стали певцами движения за университетскую реформу. Виктор написал песню «Мовил Ойл Спешиал», в заглавии была игра слов: название полицейского подразделения и нефтяной компании «Мобил Ойл», глубоко запустившей в Чили свои щупальца. Эта песня была записана на пластинку и стала песней движения. Ее исполнение сопровождал рокот студенческой демонстрации, разрывы гранат со слезоточивым газом.

К октябрю 1968 года Чилийский университет выиграл битву, объявили о выборах новой администрации. Наш факультет, который всю зиму был занят студентами и преподавателями, возобновил работу, но уже на совершенно новой основе. Один из признаков перемен: выступления Виктора и «Килапаюна» включили в официальный «Сезон чилийской музыки», проводившийся под эгидой университетского Института музыкального развития.

У песенного движения, начавшегося в интимной атмосфере «Пеньи», появились новые слушатели — рабочие. Это был еще один симптом перемен. Еще в начале века основатель чилийского рабочего движения Луис Эмилио Рекабаррен помогал организовывать любительские рабочие театры, призывал поэтов и певцов выступать на митингах — тогда это было особенно важно, потому что большинство рабочих были неграмотны. Теперь, в конце шестидесятых, борьба за социальные перемены и окрепшие связи между студенческим и профсоюзным движением привели к тому, что Виктор, «Килапаюн» и другие получили возможность чаще выступать перед рабочими и крестьянами. Минуя враждебные средства массовой информации, они встречались с людьми, с которыми действительно хотели общаться. Вырвавшись из стен «Пеньи», эта новая песня стала оружием революционной борьбы. Виктор говорил: «Художник — творец, и уже поэтому он по самой сути своей революционер... человек, столь же опасный, как и партизан, потому что он обладает великой способностью сообщать людям правду».

Это случилось в воскресенье 9 марта 1969 года, в семь часов утра. По приказу министра внутренних дел Эдмундо Переса Зуковича отряд из двухсот пятидесяти вооруженных полицейских атаковал крестьян, занявших пустовавшую землю в двух милях от центра города Пуэрто-Монт. В «бой» полицейских вел сам губернатор провинции Льянкиуэ Хорхе Перес.

При подходе к лагерю «бунтовщиков» полицейские напоролись на самодельную систему оповещения — консервные банки, привязанные к колючей проволоке. Треск и грохот разбудили крестьянские семьи — всего их было около девяноста. Женщины с криками вытаскивали из шалашей полусонных детей, крестьяне схватились за оружие — лопаты и мотыги. Полицейские начали швырять гранаты со слезоточивым газом, а потом открыли автоматный огонь. Люди падали на землю, полицейские поджигали сделанные на скорую руку хижины. Было убито семеро крестьян, девятимесячный ребенок умер, задохнувшись газом. Шестьдесят человек было ранено, в основном в грудь и живот, потому что полицейские стреляли, чтобы убивать.

Бездомные и безработные крестьяне заняли пустырь, принадлежавший семейству крупных землевладельцев Ирригоин, пять дней назад. Уже начались осенние дожди, почва превратилась в море грязи, хижины не могли защитить от дождя, но это были их единственные дома. Крестьяне устали ждать права на человеческую жизнь, и этой оккупацией они надеялись привлечь внимание властей к своим бедам. Власти ответили отданным полиции приказом «выполнить свой долг».

Трагедия в Пуэрто-Монте воспламенила и без того накаленную политическую обстановку, в Сантьяго начались яростные столкновения между студентами и полицией. Студенты собирались на демонстрации возле нашего факультета. А 13 марта состоялась огромная демонстрация на авениде Булнес. Перед сотнями тысяч собравшихся выступали ораторы, артисты. Здесь Виктор впервые исполнил свою песню «Вопросы для Пуэрто-Монта» — песню-обвинение министру Пересу Зуковичу и обществу, его породившему. Он пел так, будто от этой песни зависела вся его жизнь, и людское море, исчезавшее вдали, внимало ему, и рокочущая волна, ропот негодования вздымался в ответ на последние ноты песни.

И потом, где бы Виктор ни появлялся, его просили исполнить эту песню. Она начала жить своей собственной политической жизнью, и вскоре Виктор ощутил результат ее воздействия буквально на себе. Однажды вечером я сидела в нашей «ситронетте» у здания факультета, мотор не выключила — Виктор вот-вот должен был появиться. Я увидела, как он выходит из стеклянных дверей — даже издали его нельзя было спутать ни с кем: ореол черных курчавых волос и одежда, весьма отличавшаяся от общепринятой. Еще я заметила, как из здания центрального комитета Национальной партии вышла группа молодых людей, они о чем-то говорили и указывали на Виктора. Один из них был особенно примечательным — высокий, в шикарном пальто из верблюжьей шерсти. Все они были с гладко прилизанными волосами и в роскошных костюмах — униформа «момио». Вдруг они бросились через улицу и окружили Виктора. Замелькали кулаки. Я закричала, Виктор оттолкнул их и кинулся к машине. Мы уехали. Этот инцидент был первым.

Через пару месяцев Виктора пригласили выступить в колледже Святого Георгия, одном из самых дорогих учебных заведений для детей крупной буржуазии. Виктор и его друг, поэт Хайме Гомес, прибыли в назначенные два часа дня. Войдя в зал, Виктор сразу же почувствовал, что атмосфера враждебная. Но у него уже был опыт подобных выступлений.

Виктор и Хайме выступали по очереди. Они начали весьма мягко, и в конце каждого номера им аплодировали. Виктор не готовил специальной программы: он предпочитал опираться на свое чувство публики. Он решил проверить реакцию и исполнил песню «Землепашец», потом «Помню тебя, Аманда». Атмосфера стала более напряженной, аудитория разделилась на два полюса: одни громко аплодировали, другие топали и кричали, на галерке началась драка. Виктор остановился и попросил всех успокоиться, а после концерта устроить обсуждение.

Песня о Че Геваре была исполнена под все усиливавшийся шум, были слышны выкрики «коммунист», «подстрекатель», грубые ругательства. Тут Виктор разозлился и запел «Вопросы для Пуэрто-Монта», кто-то бросил в него с галерки большой камень, камень попал в грудь, разбил гитару. На сцену обрушился град камней. Организаторы вывели Виктора и Хайме через черный ход, но на дворе уже собрались группы враждебно настроенных учащихся, поэтому «ситронетту» подогнали к самым дверям. Только машина выехала со двора, как из переулка двинулся большой автомобиль и врезался в бок нашей «ситронетты». Так что на память об этом концерте у нас осталась большая вмятина в крыле и стук в моторе. Позже Виктор узнал, что среди учащихся был младший сын Переса Зуковича, который и организовал побоище.

В середине шестьдесят девятого года Чили разрывали социальные и политические конфликты. В газетах сообщалось об актах насилия, которые приписывали левакам. Гораздо реже писали о том, как крупные землевладельцы с оружием в руках сопротивлялись даже тем слабеньким попыткам провести земельную реформу, которые предпринимало правительство Фрея. Группы землевладельцев устраивали засады на шоссе, терроризировали и убивали крестьян, но эти акты насилия никогда не передавали в суд, и ни разу землевладельцы не отвечали за свои действия перед законом.

Волна социального беспокойства нарастала. Одним из новых и мощных ферментов этого брожения стала боевая активность молодого поколения. Студенты университетов и колледжей включились в политическую борьбу, и молодежные секции всех политических партий, как левых, так и правых, получили пополнение.

В 1968 году организация Коммунистическая молодежь Чили решила создать собственную фирму грамзаписи — «Ла дискотека де кантар популар», или ДИКАП, как ее стали называть. Первой была выпущена пластинка «Для Вьетнама» — собрание политических песен всего мира, спетых «Килапаюном». Второй пластинкой ДИКАП стал альбом песен Виктора «В твои открытые руки». Он вышел в июне 1969 года. Такие песни, как «Вопросы для Пуэрто-Монта», «Помню тебя, Аманда» и «Мовил Ойл Спешиал», никогда бы не проникли сквозь барьеры политической цензуры, а песня, которая дала заглавие альбому, была посвящена основателю чилийского рабочего движения Луису Эмилио Рекабаррену.

Виктор готовился к участию в первом фестивале Новой чилийской песни, который никак нельзя было назвать левым: например, в качестве почетных гостей была приглашена группа «Лос Хуасос Куинчерос», одна из наиболее «традиционных», а вот «Килапаюн» решили не приглашать, потому что их репертуар был «слишком политическим». И хотя фестиваль считался обычным соревнованием между композиторами, на самом деле соперничали два направления: песни критические, призывавшие к революционным переменам, и «аполитичные», которые создавали впечатление, будто никаких перемен и не требуется.

Виктору надлежало выбрать какую-нибудь «безопасную» песню. Но не в его характере это было. Он открыто ринулся в бой, написав песню, которую правая газета «Меркурио» назвала «подрывной». «Молитва пахаря» — это призыв к крестьянам, к тем, кто возделывал землю и своими руками растил ее плоды, присоединиться к братьям в борьбе за справедливое общество.

Восстань,
взгляни на горы,
источник ветра, солнца и воды —
ты, изменяющий течение рек,
сеющий семена души парящей,
восстань,
взгляни на свои руки,
дай руку брату, и ты станешь выше.
Мы пойдем вместе, спаянные кровью,
настал день строить наше будущее.

Избавь нас от господина, что держит нас в горе,
и твое царство справедливости и равенства придет.
Подуй, словно ветер, что овевает
дикие цветы горных троп,
очисть ствол моего ружья подобно огню.
Сотвори это наконец на земле,
дай нам твою силу и смелость в борьбе.

Восстань,
взгляни на свои руки,
возьми руку брата, и ты возвысишься.
Мы пойдем вместе, спаянные кровью,
и сейчас, и в час нашей смерти.
Аминь.

В тот вечер Виктор впервые пел на Стадионе. В баскетбольном зале сделали временную сцену. Обычной публикой на баскетбольных матчах бывали рабочие, и теперь рабочие тоже пришли в этот зал. Сейчас уже трудно припомнить все чувства, владевшие мною тогда, но одно я помню хорошо: ощущение праздника, чего-то значительного — это был тот редкий случай, когда встретились и рабочие, и студенты, и они могли вместе выказать свое признание и любовь к артистам, к тем, кто выражал их чувства.

Изабель Парра, поющая песни Виолеты, Анхель, Роландо Аларкон, Патрисио Маннс, Ричард Рохас, «Инти-Иллимани», Виктор с «Килапаюном» (их устранили от участия в соревновании, но разрешили аккомпанировать в «Молитве пахаря») сменяли друг друга, и каждое выступление сопровождала такая буря оваций, что казалось, вот-вот рухнет крыша. Но то был не триумф того или иного артиста, и, я уверена, все понимали это. Это была победа мощного социального движения, и признание, которое получили певцы, было признанием этого движения.

Жюри не смогло прийти к единому мнению, и в конце концов первая премия была поделена между двумя песнями — Виктора и Ричарда Рохаса, которая называлась «Чилийка»: в ней говорилось о героине освободительной борьбы против испанцев.

Я стояла среди толпы, рвавшейся обнять и поздравить Виктора и Ричарда. Я чувствовала, что произошло что-то очень важное: мы стали частью процесса, бо́льшего, чем мы сами, мы стали частицей множества, работавшего для достижения общей цели. Дух «Молитвы пахаря» принадлежал этому времени — времени оптимизма.

Год, последовавший за первым фестивалем Новой чилийской песни, стал решающим для всей страны. Успех песенного движения был так огромен, что средства массовой информации уже не могли обходить его молчанием. Виктор вдруг стал признанным композитором. Его без конца интервьюировали, его песни звучали по радио, и впервые ему было предложено петь по телевидению.

Но были последствия и менее приятные. Виктор стал мишенью для правой прессы, и она не упускала ни одной возможности для нападок. Политическая реакция впрямую сказалась и на его работе. Деятельность «Академии фольклора» при Доме культуры «Ньюньоа» достигла к тому времени большого размаха. Но для нового мэра района Ньюньоа, Бальбины Вера, Виктор был что красная тряпка для быка. Она считала, что Дом культуры — очаг красной пропаганды, и решила положить этому конец. Большинство учащихся и учителей были людьми левых взглядов — это, конечно, правда, но то, что они превращали свои занятия в политические собрания, это явная ложь, что признавали даже самые консервативно настроенные учащиеся. Тем не менее Бальбина Вера решила любой ценой избавиться от автора «Вопросов для Пуэрто-Монта».

Все сотрудники Дома культуры единодушно заявили, что, если уволят Виктора, они тоже уйдут. Тогда мэр решила просто закрыть Дом, объявив, что «идет процесс реорганизации».

Виктор продолжал плодотворно работать и в театре. В это время он ставил в Институте театра пьесу американского драматурга Меганы Терри «Вьетрок». Американская агрессия во Вьетнаме была в самом разгаре, по телевидению показывали фотографии и кинопленки, запечатлевшие бомбардировки городов Северного Вьетнама, сожженные напалмом деревни, искалеченных людей. Виктор хотел поставить вещь, которая выражала бы всю глубину его чувств.

Сама по себе пьеса не имела четкой структуры и давала простор импровизациям. Я впервые работала вместе с Виктором, меня назначили хореографом спектакля. Но в этом смысле моя помощь Виктору вряд ли была нужна: он сам обладал необыкновенным чувством движения, пространства и ритма.

Виктор привлек к работе молодых актеров, но даже их более опытные коллеги занимались с огромным энтузиазмом: никогда прежде им не приходилось участвовать в такого рода постановках. Виктор писал: «Вьетрок» нельзя ставить так, как ставили его в США. Слепое копирование невозможно. Автор пьесы не идет дальше примитивного пацифизма, столь характерного для североамериканцев. Она не может видеть империализм своей страны так, как видим его мы, чилийцы, мы, жители Латинской Америки. Пьеса сама по себе имеет очень свободную структуру, и позиция, которую мы выбрали,— это суд и обвинение империализму. Мы не североамериканцы, и у нас нет причин разделять представления автора. Нам кажется, что те, кто создавал эту пьесу, относительно прогрессивные люди, все же не смогли избавиться от своего искаженного и в основе своей империалистического взгляда на «третий мир». Но ценность пьесы состоит в том, что она изображает войну, в которой тысячи и тысячи вьетнамцев гибнут каждый день, защищая свою страну от пентагоновских захватчиков. И более того, в ней показана трагедия американского народа, трагедия матерей, солдат, которых посылают на войну, не имеющую к ним никакого отношения».

Такая пьеса, как «Вьетрок», вряд ли могла бы пробиться на сцену, если бы не университетская реформа, которая затронула и Институт театра. Виктора выбрали в новый руководящий совет, и он энергично участвовал в дискуссиях по поводу реорганизации, предлагал радикальные изменения в методах работы и составления репертуара. И в то же время он был раздражен этими бесконечными отвлеченными дебатами. Он чувствовал, что время уходит, что он мог бы лучше служить делу, если бы у него была возможность путешествовать по стране с гитарой и песнями, что совершенно немыслимо во время подготовки большого спектакля. И хотя Виктор по-прежнему был полон режиссерских идей, в данный момент работа с музыкой и песней казалась ему более важной. Когда-то по таким же соображениям он покинул «Пенью»: своими выступлениями в ней он был прикован к Сантьяго.

Виктор намеревался оставить Чилийский университет, а я, напротив, испытывала сильнейшее искушение вернуться в него. Университетская реформа радикально изменила и балетное отделение, которое включало в себя как школу, так и балетную труппу, новым главным режиссером которой был назначен Патрисио. Ко мне пришла делегация студентов, они уговаривали меня вернуться, пусть даже и не на полную ставку. Я согласилась.

Вскоре финансовая помощь, которую давал совет района Лас Кондес нашей «Таллер де данса» — хореографической мастерской, была прекращена без всякого объяснения причин. Я подозреваю, что наша работа казалась слишком «левой» некоторым из членов совета. Для всех нас было просто невозможно бросить все, что удалось создать в мастерской, поэтому мы очень обрадовались, когда администрация балетного отделения факультета предложила зал для репетиций и возможность пользоваться магнитофонами и другими необходимыми вещами.

Мы решили переименовать нашу группу в «Народный балет», чтобы подчеркнуть ту роль, которую мы стремились играть: вывести балет из театров и сделать его ближе народу. А это, мы надеялись, станет возможным, если в Чили будет действительно народное правительство.

Продолжение следует

Сокращенный перевод с английского
Н. РУДНИЦКОЙ

ВЫ СПРАШИВАЛИ

ТАКОЙ, КАКОЙ УЖ ЕСТЬ

В феврале этого года прошел ежегодный итальянский конкурс эстрадной песни «Сан-Ремо-84». Там участвовали многие итальянские певцы. Лауреатами стали Аль Бано и Ромина Пауэр. Расскажите о них.

Алексей ГАВРИЛОВ, Москва

Среди многочисленных конкурсов песни, проводимых в Италии, особым престижем пользуется ежегодный фестиваль в Сан-Ремо. Здесь начинали свой путь Адриано Челентано, Тото Кутуньо, Рафаэла Карра, Мильва — седьмое капитолийское чудо, как ее называют итальянцы, и многие другие. Для публики Сан-Ремо — это парад звезд, для музыкальной критики — зеркало состояния национальной эстрады.

Но в последние годы фестиваль в Сан-Ремо не очень радовал любителей эстрадной песни. Произведения, представленные на конкурс, часто бывали повторением уже слышанного ранее. «Прошли звездные часы Сан-Ремо, осталась звездная пыль»,— утверждает итальянская пресса. И с откровенной безжалостностью относит к «звездной пыли» Пупо, Рикардо Фольи (победителя Сан-Ремо-82 с песней «Истории всех дней») и «старичков», исполнителей «второго эшелона». В «звездные часы» их вытеснили на задворки более яркие звезды, а теперь, когда эстрадный небосвод стал попросторнее, они пробуют взять реванш.

Победителей «Сан-Ремо-84» Аль Бано и Ромину Пауэр, хотя их и можно назвать «старичками», отличает верность песенным народным традициям. Критика относит Аль Бано к исполнителям, которые поют как птицы. Пение для них так же естественно, как дыхание, как сама жизнь. Не мудрствуя лукаво, они рассказывают в своих песнях о том, чем живут и что чувствуют миллионы итальянцев. И, подобно тому как не может жаворонок запеть соловьем, не умеет такой исполнитель держать нос по ветру музыкальной моды, ставить ловушки для публики фантастическим оформлением своих концертов или загадочным поведением в быту.

Биография Альбано Корризи (Аль Бано его сценический псевдоним) почти традиционна для многих известных итальянских певцов. В 1961 году с головкой домашнего сыра под мышкой он отправился из Челлино-Сан-Марко (маленького поселка в области Бриндизи) в Милан на заработки. В те годы миллионы молодых итальянцев из южных захолустий устремились на промышленный Север страны в поисках заработка и удачи. Семнадцатилетнему Альбано Милан с его ослепительной неоновой рекламой, роскошной публикой (вспомним, что это были годы экономического бума) и манящими витринами показался городом изобилия. И даже работа нашлась — чернорабочим на стройке. Как вспоминает Альбано, когда он получил первую зарплату и послал часть денег домой родителям, счастливей его не было человека в богатом Милане. Стройка вскоре закончилась, но он нашел место на конвейере.

Так прошли четыре года. Альбано пел на работе, по вечерам среди друзей, ездил в провинцию на все конкурсы. Это была семейная традиция — петь, пел и его брат Франко, под псевдонимом Кочис он даже выступал на эстраде.

Когда Альбано прочитал в газете объявление, что «Клану Челентано» требуются мужские голоса, он явился по указанному адресу. Маэстро Пино Массара нашел его голос «блестящим», так началась работа в «Клане». В те годы там были собраны многие талантливые артисты, они служили хорошим оформлением концертов хозяина.

Со свойственной крестьянам осторожностью Альбано работу на конвейере не бросал. «Пение — это хорошо, но работа есть работа»,— рассуждал он. На заводе над ним подшучивали: «Вот заливает. Хороший парень, и надо же! Сам небось Челентано только на фотографии и видел. Стал бы ты здесь вкалывать, если б тебя взяли в «Клан». В самом «Клане» его ждало неприятное открытие: его коллеги, «второй эшелон», обожествляли Челентано в глаза и поливали грязью за спиной. «Эге,— подумал крестьянин из Челлино-Сан-Марко,— не забудь об этом, когда станешь знаменитым».

В 1965 году «Клан» стал готовить Альбано к отборочному конкурсу в Сан-Ремо. Расчет был прост: победит — слава «Клану» и собственная новая звезда, уже связанная контрактом; проиграет — «Клан» дает перспективу молодым талантам, но увы...

Альбано купил новый костюм (по совету родителей), с помощью продавщицы подобрал к нему галстук, рубашку и выглядел на сцене как жених на свадьбе в родном Челлино. В Сан-Ремо победил «какой-то небритый, нечесаный тип. Позже я узнал, что это был Лучо Далла»,— говорит Альбано.

Менеджеры «Клана» решили подающего надежды парня все же включить в общий поток музыкальной моды: даже для «второго эшелона» он был слишком «провинциален и несовременен». Результат был неожидан — «провинциал» ушел из «Клана». Шаг рискованный, «но ведь у меня была работа на заводе»,— замечает Альбано.

Он начинает пробиваться в одиночку, от концерта к концерту все четче проступает его индивидуальность, формируется манера исполнения, темы песен: его герои не бунтуют, не грозят и не рвут страсти в клочья, они радуются теплу солнца, встрече с любимой, улыбке прохожего, пытаются как-то скрасить свою довольно серенькую жизнь. В конкурсе «Летний диск-66» песня «На солнце» приносит Альбано первое место в итальянском хит-параде 1966 года. Наконец он решается оставить место у конвейера: подписан контракт с администрацией ресторана в Римини. Любопытно, что платили ему здесь немногим больше, чем на заводе, но это тоже была постоянная работа на целое лето, а крестьянин из Челлино всегда любил определенность и постоянство. Два года Альбано сопутствует довольно скромная, но все же слава. Но в 1968 году его песни уже очень резко расходятся с общим настроением молодежи, и он попадает в немилость и у публики и у критики. Теперь его можно услышать только в «Парадах презрения», которые иногда передают по радио, собрав самые худшие вещи года. «Не думаю, что я когда-либо писал дурацкие песни. Просто я всегда такой, какой уж есть». Земляки из Челлино даже хотели поймать диск-жокея «Парада презрения» и дать ему взбучку: они так гордились «своей собственной звездой», и тут такая обида.

А между тем предмет их огорчений женился. Его жену звали Ромина Пауэр. Молодые купили в Челлино дом, и жизнь потекла: Альбано сочиняет и записывает песни, Ромина пишет стихи, и оба вместе разводят цветы, собирают урожай в своем саду, подрастает дочка. Идиллия? Наверное, но в Италии для них закрылись двери даже телевидения, казалось, публика навсегда забыла о них. По-видимому, счастливая пара все же страдала от потери популярности, потому что Альбано называет модную в те годы музыку «шумом от пробуксовывающего паровоза» и подчеркивает, что за границами Италии у них всегда была своя верная публика, которую радовали ласковые слова и мелодичность их песен.

В начале 80-х и в Италии громоподобный, многотонный «аппаратурный» рок несколько отступил, на эстраде расчистилось место для музыкантов с простыми акустическими гитарами, которых раньше не было слышно за гитарами-электро. В 1982 году, казалось бы, забытые супруги из Челлино в Сан-Ремо завоевывают второе место. В 1984 году дуэт представил в Сан-Ремо песню «Будет», она и принесла первое место.

Победителей в Челлино встречали фейерверком и цветочным дождем. На центральной площади стояло панно, сплетенное из белых и красных гвоздик: имена победителей и название песни. Национальные флаги развевались почти над каждым домом. Счастье — это простые и бесхитростные вещи.

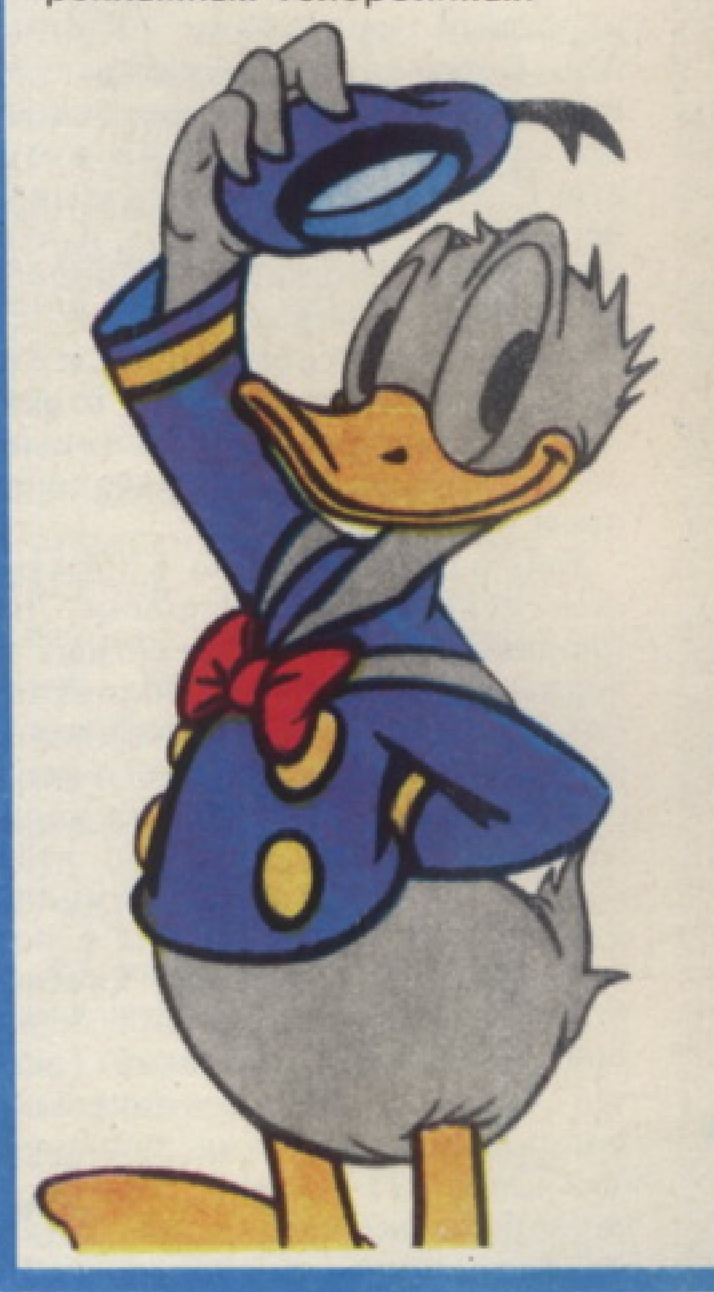
Недоброжелатели утверждают, что Альбано и Ромина пользуются не популярностью, а снисходительностью публики: слушатели принимают их песни потому, что никого более яркого и самобытного на национальной эстраде нет. А может быть, публика тоже любит определенность и постоянство и именно сейчас ей так не хватает их?

А. МУДРОВ

ДОН АНТОНИО ВУЛКАНИРУЕТ. Остров Стромболи в Тирренском море не только один из немногих в Европе вулканов, он еще настоящий заповедник едва ли не феодальных нравов. Вся жизнь здесь течет так и туда, куда и как захочет местный священник падре Антонио Ди Маттина. Дон Антонио, собственно, хочет одного: чтоб был он не только пастырь духовный, но и всесильный владыка мирской. Именно поэтому дон Антонио среди прочих мер предпринял и такую: он распорядился значительно поднять цены на паром с континента, «дабы неповадно было ездить на наш остров всяким безденежным юнцам с рюкзаками и на дармовщину валяться на песке наших пляжей». Так остров стал для туристов не только интересным, но и труднодоступным.

НОС НЫНЧЕ КОРОТОК! Первым — поскольку сам же и нарисовал — его увидел Уолт Дисней и первым же дал нехорошую характеристику: злобный, мнительный, капризный, вечно сующий нос куда не просят и просто противный. Он, конечно, и сегодня не без недостатков, но все же 50 лет беспорочной службы в мировом мультиматографе даром не прошли, и Утенок Дональд совсем не случайно стал популярным. Его заслуги отмечены даже официально: еще в 1943 году Утенку Дональду присудили высшую награду американского кино — «Оскар» за подвиги, совершенные на фронте искусства в борьбе против такого врага, как бесноватый фюрер нацистов... Сегодня Дональд не столь отважен и задирист, даже нос его стал короче и округлее; сегодня, на старости лет, он, используя старые связи, в основном подхалтуривает в рекламных телероликах.

КРЫШКА ДЛЯ «СВОБОДЫ И ДЕМОКРАТИИ». Разглядите на этом снимке, читатель, белую такую штучку. Такую небольшую крышку. Такую пластмассовую заглушку, что ли. Она крепится к ножке сиденья, которое находится в огромном самолете ВВС США, предназначенном для ведения электронной разведки. Это, в сущности, весьма важная деталь, поскольку не будь таких деталей, из которых и состоит механизм военной машины, глядишь, и не было б лихорадки вооружений, глядишь, не горячились бы так пентагоновские политиканы, пугая мир надуманными «угрозами», не зазывали б сограждан по «западной демократии» в новый «крестовый поход» на СССР. За каждую такую крышку Пентагон содрал с налогоплательщика 1118 долларов 26 центов. На 1117 долларов 92 цента больше ее стоимости. Штучка — дрянь, дешевка: всего-то 34 цента, но какие, оказывается, деньги можно заломить, если напустить страха.

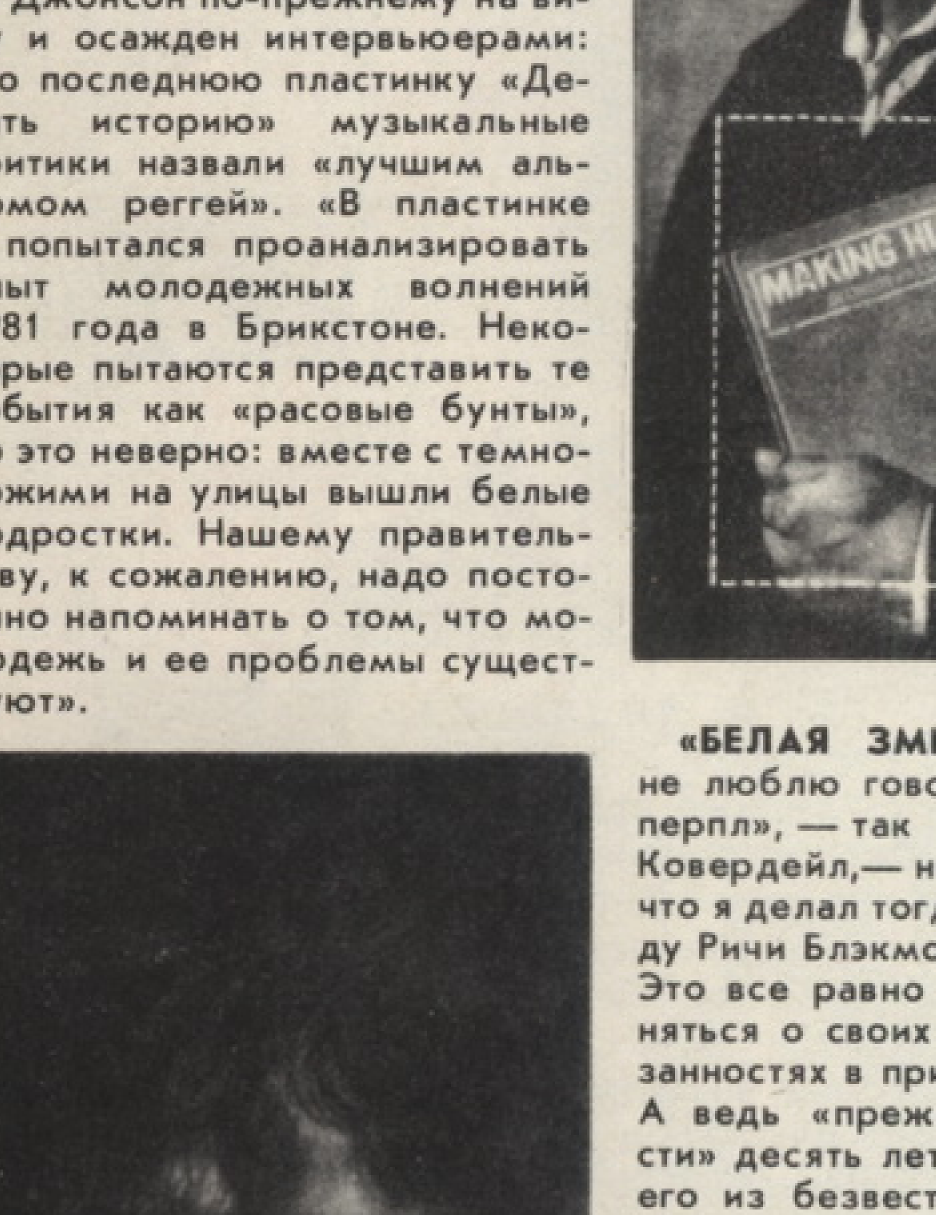
НА ПОЛЮСЕ ПОХОЛОДАЛО. Снимок невыразителен. На нем почти ничего и нет. И в этом вся трагедия. Сделай его фотограф несколько лет назад, там была бы зелень, плещущая в набережную вода, снующие взад-вперед яркие парусные лодки и небольшие пароходы. Теперь в Кабара, речном порту Тимбукту, нестерпимая сушь, песок; теперь неподалеку нет огромного, едва ли не в полторы сотни километров длиной, озера... Все похоронил наступающий с севера песок Сахары. Метеорологи утверждают, что причина многолетней засухи — миграция дождей: в последние три года воздух на полюсе стал холоднее, и полоса дождей сместилась ближе к экватору. Уходят дожди — и в сахель врывается ветер пустыни. В свое прошлое наступление в 1975—1980 годах засуха унесла около четверти миллиона жизней, а несчетное число людей вытеснила из сахеля. Словом «сахель» словарь обозначает широкую, до 500 километров, полосу земли, переходящей от пустыни Сахары к саванне. Сегодня полоса эта чудовищно расширилась, и все новые земли от жизни переходят к пустыне.

ПРОГРАММА ДЛЯ ТРУБЫ. Путь от вундеркинда к имени в искусстве лежит через два чувства — вины и гордости. Так считает 22-летний джазовый трубач, новая звезда из Нового Орлеана Уинтон Марсель. Постоянное чувство вины, считает Марсель, делает артиста взрослее— в конце концов, сколько куда более достойных музыкантов не имеют известности, которая перепала тебе; а не оставляющая душу гордость не позволяет артисту гоняться за дешевой популярностью, размывающей истинный джаз до фанка или фьюжна. Недавно вышли две пластинки Марселя — чисто джазовая «Подумай об одном» и «Концерты для трубы» Гайдна, Хаммеля, Л. Моцарта. Программа Уинтона «просто играть, просто трогать музыкой людей». Как делал человек, у бронзовых ног которого он сидит на снимке,— Луи Армстронг.

ТЕМА ИЗ РАЗРЯДА «ВЕЧНЫХ». Мы уже писали (в № 1 за 1980 год) о Линтоне Куэси Джонсоне, одном из самых известных в Англии поэтов и создателей музыки в стиле «регги». Мы писали о его работах, о мечте основать собственную независимую фирму грамзаписи. «Фирма прогорела — бизнесмен я оказался никудышный». Но как автор Линтон Куэси Джонсон по-прежнему на виду и осажден интервьюерами: его последнюю пластинку «Делать историю» музыкальные критики назвали «лучшим альбомом регги». «В пластинке я попытался проанализировать опыт молодежных волнений 1981 года в Брикстоне. Некоторые пытаются представить те события как «расовые бунты», но это неверно: вместе с темнокожими на улицы вышли белые подростки. Нашему правительству, к сожалению, надо постоянно напоминать о том, что молодежь и ее проблемы существуют».

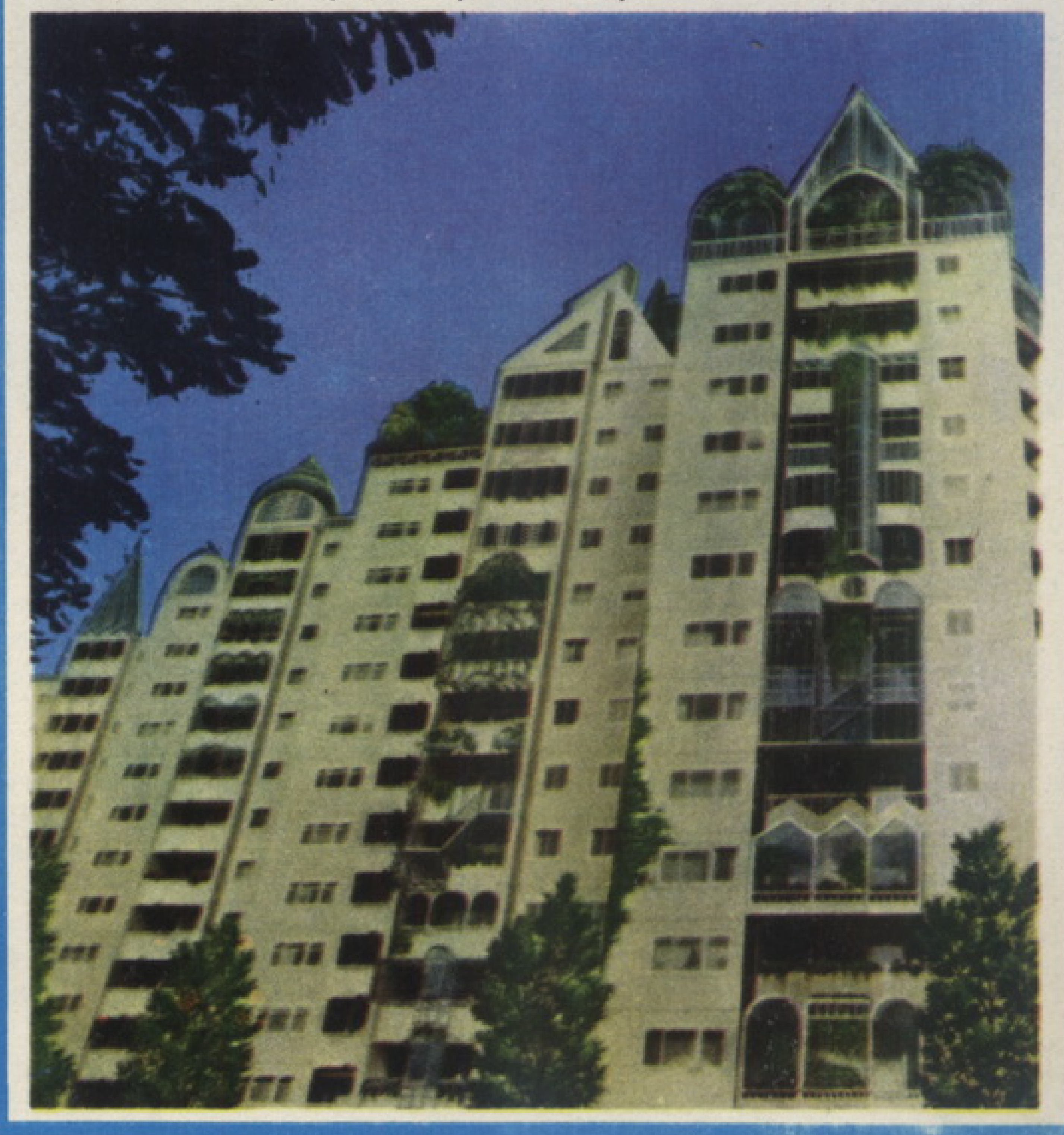

Вы спрашивали **«БЕЛАЯ ЗМЕЯ» ТЕПЕРЬ.** «Я не люблю говорить ни о «Дип перпл», — так говорит Дэвид Ковердейл,— ни о музыке (то, что я делал тогда, я делал в угоду Ричи Блэкмору), ни о людях. Это все равно что распространяться о своих прежних привязанностях в присутствии жены». А ведь «прежние привязанности» десять лет назад вытянули его из безвестности в звезды. После распада «Дип перпл» Ковердейл во всеоружии былой славы организовал ансамбль «Уайт снейк» — «Белая змея», среднепопулярный, но зато доходный. «За кого вы голосовали на последних выборах в Англии?» — спросил Ковердейла корреспондент. «За консерваторов», — ответил автор когда-то известных антибуржуазных по духу композиций «Гори!» и «Несущий шторм». Теперь Ковердейл поутих, теперь у него новые «привязанности».

ЕЩЕ ОДНУ ПОПЫТКУ примирить современный город с человеческой тоской по разнообразию, зелени и уюту предпринял Альберт Аде, профессор штутгартской Академии изобразительных искусств. То, что вы видите на цветном снимке, попытка из самых скромных и, похоже, вполне реальная. В основном здесь использована зелень. Другие попытки более причудливы и экстравагантны: крыши небоскребов, их гладкие стены предлагается разнообразить остроконечными стеклянными башенками, затейливыми эркерами, арками, переходами, ажурными лестницами, и всюду зелень, зелень. Глаз Шехеразады это, должно быть, ласкало бы; современная же домохозяйка оказалась прозаичнее: «Все эти финтифлюшки выглядят беспомощно». Еще более лапидарен и суров в своей оценке был техник-смотритель: «С этой зеленью хлопот не оберешься. И вообще через пять лет все потечет». Короче говоря, реакция посетителей выставки проектов была весьма бурной, что в общем-то говорит не только об отсутствии товарищества на вкус и цвет, но и о том, что тоска горожанина по «чему-нибудь такому, для души» — явление повсеместное и настоятельно требующее удовлетворения.

Капитан Шейн дал Коттеру почитать показания хозяина «Хантерс лодж». «Напал на запах перезревшего лимбургского сыра»,— вспомнил Коттер слова Мерфи. Старый репортер не сомневался, что Коттер немедленно примчится, поэтому и считал, что этот день станет самым важным в его жизни.

— А что Мерфи делал для вас? — спросил Шейн.

— Смотрел и слушал. Похоже, он добыл сведения. И кто-то постарался, чтобы я ничего не узнал. Какие у него шансы?

— Если бы вы увидели его, не спрашивали бы... Хотите посмотреть показания Томми Кармайкла и миссис Хамнер?

Показания миссис Стефан Хамнер: «Я пришла на работу как обычно, двадцать минут седьмого. Хантер варил кофе. Кармайкл мыл бокалы за стойкой бара. Чуть позже девяти Уоррен пошел наверх, чтобы разбудить Джека Мерфи. Через несколько минут он сбежал по ступеням, бледный как полотно. «Кто-то пытался убить Мерфи!» — прокричал он и бросился к телефону. Это все, что я знаю.

Вопрос. Вы не заметили кровь на одежде Хантера, когда тот спустился вниз? (Полицейский, проводивший допрос, предполагал, что Хантер сам мог избить Мерфи.)

Ответ. Вы что, чокнулись? Мерфи — старый друг Уоррена.

Вопрос. Пока вы работали, вам не показалось, что наверху кто-то ходит? Может, вы слышали, как хлопнула дверь?

Ответ. Я же говорю, до того как Уоррен поднялся на второй этаж, день ничем не отличался от остальных».

Показания Томаса Кармайкла: «Утро началось как обычно. Уоррен приготовил завтрак, и мы его съели. Затем я взял мешки с мусором и положил их в металлические

ОБЫЧНЫЙ БИЗНЕС

Приключенческая повесть

Дж. ФИЛЛИПС,
американский писатель

Рис. И. АЙДАРОВА

контейнеры. Как всегда. Только когда Уоррен поднялся наверх, чтобы разбудить Мерфи, и нашел его в луже крови, все сразу изменилось.

Вопрос. Вернемся к прошлому вечеру, Томми. Вы и Хантер закрыли бар и ресторан в обычное время. Как это делается?

Ответ. Уоррен проверяет туалеты. Затем он закрывает входную дверь на замок. Я иду на кухню и выключаю все горелки. Потом закрываю черный ход.

Вопрос. У вас есть ключ от замка?

Ответ. Там английский замок. Надо только освободить защелку, и он сам захлопывается. Кроме того, я закрываю дверь на засов. Такой же, как и на входной двери.

Вопрос. И следующее утро началось как обычно?

Ответ. По-моему, да. Я теперь знаю, что Уоррен, перед тем как спуститься, заглянул к Мерфи, и тот спокойно спал. Но тогда Уоррен даже не упомянул об этом. Действительно, о чем говорить? После двадцати лет общения с пьяницами говорить о них уже неинтересно.

Вопрос. Итак, вы отодвинули засов, открыли замок, поставили защелку на предохранитель и выкатили контейнеры на улицу. Утром шел снег. Вы не заметили свежих следов?

Ответ. Я ничего не заметил.

Вопрос. Если бы кто-то зашел в кухню после того, как вы открыли дверь, на полу остались бы следы от снега?

Ответ. Думаю, что да. Но я сам входил и выходил раз пять-шесть. Если бы я увидел следы, то принял бы их за свои.

Вопрос. Вы не заметили кровь на одежде Уоррена Хантера, после того как он нашел Мерфи?

Ответ. Черт побери, нет. На что вы намекаете, а?»

Продолжение. Начало см. в № 5—7 за 1984 год.

К показаниям свидетелей прилагался листок бумаги, из которого следовало, что допрос проводил патрульный Пит Стемковски, уже знакомый Коттеру по прошлой ночи.

— Этот Стемковски намекает на то, что Мерфи мог избить сам Хантер? — спросил Коттер, протягивая показания Шейну.

— Если никто не мог попасть в дом снаружи, приходится думать о тех, кто находился внутри,— ответил Шейн.— Я не думаю, что это сделал Уоррен, но необходимо рассматривать и такую возможность. Впрочем, кто-то действительно мог войти через черный ход, а затем выйти тем же путем.

— Этот человек знал распорядок дня в «Хантерс лодж» и комнату Мерфи. Возможно, это кто-то из местных.

— В этом что-то есть,— согласился Шейн.

Коттер встал.

— Я еду в больницу,— сказал он.

Мерфи напоминал египетскую мумию. Он был весь забинтован, виднелись одни глаза.

— Впервые вижу, чтобы человека так избили и он остался жив,— сказал врач.— Переломы свода черепа, челюсти, рук, сломанные ребра...

— Он может умереть?

— Он уже должен быть мертв. Но если долго лечишь

людей, начинаешь верить в чудеса. Он не хочет умирать. И это дает ему шанс на выздоровление.

— И возможность говорить? — спросил Коттер.

— Пройдет еще немало времени, прежде чем он заговорит. Я имею в виду дни, возможно, недели, но не часы.

Из больницы Коттер позвонил в «Гейтвей» и попросил соединить его с бунгало «Джи». И посмотрел на часы. Он ушел в половине восьмого, Магги еще спала. Он оставил записку, что собирается осмотреть Брунсвилл и вернуться около девяти. Сейчас было одиннадцать.

В бунгало «Джи» никто не отвечал. Коттер спросил у хозяйки, исправен ли телефон в бунгало «Джи». Он пытается дозвониться до своей секретарши по важному делу. Не могла бы миссис Рамсей...

— О, миссис Хартман уехала полчаса назад,— ответила та.

— Уехала? Вы хотите сказать — выписалась?

— Нет.

— Тогда как же? — Коттер внезапно охрип.

— Ну, приехал мужчина и постучал в дверь бунгало «Джи». Выглянув в окно, я сначала подумала, что это вы, мистер Коттер. Затем я увидела черный автомобиль и вспомнила, что ваш красного цвета и иностранной марки. Миссис Хартман открыла дверь. Лица мужчины я не видела, он был в куртке с капюшоном, но, похоже, миссис Хартман его знала. Затем она вышла, и они сели в автомобиль.

Через несколько минут Коттер был уже в бунгало «Джи».

Дверь осталась открытой. Вещи Магги висели в шкафу. На туалетном столике лежала щетка для волос... Он все перевернул в поисках записки. И ничего не нашел. Он стоял посреди комнаты, а сердце колотилось как паровой молот. Магги не уехала бы с незнакомцем, не оставив для него записки. Во всяком случае добровольно. «Она, похоже, его знала»,— вспомнил Коттер слова миссис Рамсей. Или поверила в то, что ей сказали. Ничто не могло заставить Магги уехать отсюда, если только человек в куртке не убедил ее, что приехал по поручению Коттера. И она не оставила записки, потому что считала, что едет к нему.

Часть 3. Шах и мат

Глава 1

Коттер развернул «феррари» и, подъехав к главному зданию, вошел в холл. Миссис Рамсей сидела за столом. Она встретила детектива улыбкой.

— Надеюсь, все прояснилось?

— Совсем наоборот. Вы сказали, что не можете описать этого человека, миссис Рамсей?

— До бунгало «Джи» отсюда сто ярдов,— запротестовала она. Ее лицо побледнело от страха.

— Он высокий, маленький, худой, толстый?

— Ну, примерно как вы. Или чуть выше.

— Автомобиль. Расскажите мне о нем поподробнее.

— Я же говорила, черный. Средних размеров.

— Номерные знаки?

— Я не видела. Они выехали через стоянку.

Коттер старался не показать тревоги. Не имело смысла пугать эту глупую женщину. Коттер глубоко вздохнул.

— Никто не спрашивал обо мне или миссис Хартман?

— По-моему, нет.

— Но как он узнал, куда идти?

— Может, он видел утром, где стояла ваша машина? У вас очень заметная машина, мистер Коттер.

— Если кто-то мне позвонит, пожалуйста, запишите, что передать. Я буду вам звонить.

— Я надеюсь, не случилось ничего серьезного?

Серьезного?

Коттер попытался взять себя в руки и подойти к загадочному исчезновению Магги с профессиональной точки зрения. Его секретарша Джулия Хартман знала, что они едут в Брунсвилл, но никто не смог бы заставить ее сказать об этом. Впрочем, другие могли бы догадаться о цели его поездки. Но одно никто в Вашингтоне знать не мог: мотель, где они остановились. Они сами не знали об этом, пока не приехали в Брунсвилл. И в Брунсвилле никто не мог предположить, что они остановятся именно здесь. И тут все стало на свои места. Патрульный Пит Стемковски знал, где они остановились. Он привез их сюда, помог устроиться и принес чемодан Магги в бунгало «Джи». Он сказал, что сообщит об их приезде капитану Шейну. Но мог сказать об этом любому.

Двигатель взревел, и «феррари» помчался к полицейскому участку. Стемковски уже сменился, и Коттер с трудом упросил сержанта дать ему домашний адрес патрульного. Через десять минут Коттер стоял на пороге небольшого коттеджа. Дверь открыла молодая женщина.

— Муж спит,— сказала она.— У него было ночное дежурство, и он задержался из-за допроса свидетелей в «Хантерс лодж».

— Мне совершенно необходимо поговорить с ним.

Внимательно взглянув на него, женщина пригласила детектива в дом, а сама поднялась на второй этаж. Через несколько минут она вернулась.

— Пит просит вас подняться к нему. Первая дверь направо.

Коттер взбежал по ступенькам. Стемковски лежал на постели.

— Не успеешь заснуть, как что-то непременно должно случиться.— Его явно не обрадовало появление Коттера.— Почему это вы не могли подождать?

Коттер рассказал, что произошло с «миссис Хартман».

— Она не могла ни с кем уехать, если только ей не сказали, что я посылаю за ней. Мужчина, приехавший в мотель, знал, где ее искать. А вы единственный человек, которому были известны номера наших бунгало. Кому вы говорили об этом?

— Вы считаете, что ей грозит опасность?

— Кто-то сознательно обманул ее,— ответил Коттер.

— Я сказал Шейну. Я сообщил ему, что вы вместе с секретаршей остановились в «Гейтвей».

— Вы говорили о номерах бунгало?

— Я не помню. Возможно. Но я точно знаю, что капитан Шейн не спрашивал о номерах.

— А больше никто не спрашивал обо мне или миссис Хартман?

Стемковски щелкнул пальцами.

— Ну, конечно, теперь я вспомнил. Репортер по фамилии Райли. Из «Кэпител курьер». Он свел меня с ума своими вопросами. Он спросил, не знаю ли я, кто вы такой и что вы тут делаете. Я постарался отделаться от него и ответил, что он все может узнать прямо у вас. И добавил, что вы остановились в мотеле «Гейтвей».

— Но вы не упомянули номера бунгало?

— С какой стати?

Вопросы Райли могли свидетельствовать лишь о том, что он хороший репортер, который хочет знать все имеющее отношение к Мерфи. Но у Райли могли быть и другие мотивы. Одно стало совершенно ясно. Убийство Креншоу не случайность. «Человек, стоящий за этим выстрелом», которого просил найти Фаррадей, превратился в конспиративную сеть, включающую мужчину у книжного магазина с удостоверением мертвого агента ФБР, убийцу Рэда Кристи, человека, избившего Мерфи, и еще одного, увезшего Магги из бунгало «Джи». При этом Брунсвилл наводнен сотрудниками ФБР, полицейскими и людьми секретной службы «Крен-Ам» во главе с Джорджем Захари. Коттер оставил в Брунсвилле Мерфи, чтобы тот докладывал обо всем, что видит и слышит. Кто-то другой мог попросить о том же Райли, молодого репортера единственной дневной газеты штата. Райли наверняка старается показать себя с хорошей стороны и полиции и ФБР: это основа для получения интересных сведений от этих организаций. Но он мог захотеть заработать пару лишних долларов. «Если Коттер покажется в городе, сообщи нам». Репортер мог позвонить тому, кто ему платит, и сообщить, что детектив в городе и остановился в «Гейтвей». Коттер провел два часа с капитаном Шейном и в больнице, прежде чем позвонить Магги. За это время мужчина в куртке вполне мог успеть приехать к бунгало «Джи» и увезти Магги. Но как он узнал, что она там? Люди из Вашингтона могли выяснить, что «миссис Хартман», с которой уехал Коттер, в действительности Маргарет

Брэнсон. А она, возможно, более опасна для заговорщиков, чем Коттер.

Детектив взглянул на Стемковски. И ему кто-то мог заплатить. Так же, как и Шейну. В этом засыпанном снегом городе не было ни одного человека, которому он мог бы доверять.

Коттер медленно поехал в сторону центра. Он не торопился, так как не представлял, к кому обратиться. Где искать и что? Магги могли увезти за сотни миль отсюда. Или бросить в реку, пересекающую город. Кто может ему помочь?

И тут Коттер вспомнил о человеке, который наверняка не любил ни полицию, ни «Крен-Ам». Он подумал о Скэтбеке Хьюзе и его людях, живущих где-то в горах на ферме под защитой «какой-то чокнутой старой леди». Этот человек мог бы кое-что рассказать о бездне насилия, поглотившей Артура Остина, Мака Креншоу, Рэда Кристи и теперь Джека Мерфи. К этому списку надо добавить и Магги.

Однако Коттер понимал, что не может остановить машину и спросить, где находится коммуна. В Брунсвилле об этом знали все. Но если он обратится не к тому человеку, об этом станет известно его врагам и они примут ответные меры.

«Где-то в горах» означало к северу от города. «Феррари» рванулся на север. Коттер понимал, что за ним могли следить, но не заметил ничего подозрительного.

Дома встречались все реже. Около большинства из них располагались хозяйственные постройки, указывающие на то, что это небольшие фермы, и Коттер не представлял, приближается ли он к цели или, наоборот, удаляется от нее. Наконец он остановился около чистенького домика, из трубы которого вился дымок. Залаяла собака. Во дворе высокая полная женщина колола дрова. Когда Коттер вышел из машины, она оставила свое занятие и подошла к забору.

— Могу ли я вам чем-нибудь помочь? — спросила она.

Коттер взглянул на белый почтовый ящик: «Дамфи».

— Меня зовут Коттер,— сказал он. Выражение лица женщины не изменилось. Имя ей ничего не говорило.— Мне очень понравились здешние места.

— Вы что-нибудь ищете, мистер Коттер?

— Да. Я не доверяю агентам по продаже недвижимости. Они всегда стараются всучить то, что человеку не нужно.

— Вы хотите купить дом?

— Да. У вас прекрасный дом.

— Его построил мой дедушка. Я его никогда не продам.

— Я и не надеялся, что мне так повезет... миссис Дамфи, не так ли? Но меня беспокоит только одно. Я не хотел бы поселиться рядом с коммуной бродяг, о которой я слышал в городе.

Улыбка исчезла с лица миссис Дамфи.

— Вам не стоит об этом беспокоиться. Там, где они живут, ничего не продается.— Она повернулась и пошла к дровам.

— Вы хотите сказать, что коммуна где-то неподалеку?

— Моя ферма прямо по этой дороге,— ответила она.— И если вам это не нравится, мистер, поезжайте в другую сторону.

Коттер глубоко вздохнул. Впервые за последние дни боги оказались на его стороне.

«Феррари» легко шел в гору. Скоро он подъехал к большому старому дому. Рядом стояло несколько сараев, хлев, силосная башня. Гуляющие по двору гуси и куры возвестили о его прибытии. Коттер вышел из машины. На пороге дома показались двое: юноша с окладистой бородой, в джинсах, сапогах и полушубке, из-под которого виднелась голубая рубашка, и девушка, блондинка, с красным вязаным шарфом, закрывающим голову и уши. Тяжелое мужское пальто доходило ей до щиколоток.

— Что тебе надо, парень? — спросила девушка.

— Я ищу Скэтбека Хьюза,— ответил Коттер.

— Его здесь нет.— Голос девушки звучал враждебно.

— Когда он вернется?

— Понятия не имею.

— Меня зовут Дэвид Коттер,— сказал он девушке.— Если меня правильно информировали, Хьюз должен знать, кто я такой. Я приехал сюда, потому что мне нужна помощь, а Хьюз и его люди — единственные, на кого я могу рассчитывать.

— Почему Скэтбек должен вам помогать?

— Возможно, потому, что он порядочный человек,— ответил Коттер.— А может, помогая мне, он сможет помочь и себе.

— Я уже сказала, что его здесь нет.

В этот момент отворилась дверь и на крыльцо вышел высокий, атлетически сложенный чернокожий. Коттер подумал, что он никогда не видел таких блестящих и проницательных глаз.

— Пусть он войдет, Патти,— сказал высокий и вернулся в дом. Коттер прошел в большую, чисто прибранную комнату. В камине ярко пылал огонь. Чернокожий пристально посмотрел на детектива.

— Мы не привыкли к фамилиям, Дэвид,— сказал он.— Я Скэтбек. Это Патти и Чарли. Снимайте пальто. Здесь жарко.

Девушка села на пол рядом с креслом с высокой спинкой. Коттер не сомневался, что это кресло Скэтбека.

— Вы знаете, кто я такой? — спросил он.

— Вы человек сенатора Фаррадея.— У Скэтбека был низкий мелодичный голос.— Через день после убийства вы приезжали в Брунсвилл и задавали много вопросов. Потом вы уехали в Вашингтон и вернулись прошлой ночью. Во время первого приезда сюда вы виделись с капитаном Шейном, Лестером Оуэном и Джеком Мерфи. Да, я знаю, кто вы, Дэвид.

— И вам известно, почему я здесь, Скэтбек?

— Кто-то в Вашингтоне уверил вас, что я обычно в курсе событий, происходящих там, где я живу.— Скэтбек сел в кресло, и тут же белокурая головка прижалась к его ноге. Он провел рукой по золотистым волосам.

Ее зовут Патти Прентис, вспомнил Коттер. Мосс говорил, что директор ФБР надеялся спровоцировать Скэтбека на акт насилия. Этим занимался Остин, потом ему перерезали горло, а тело бросили в Потомак. По спине детектива побежали мурашки.

— Но вы не знаете, почему я приехал именно сегодня,— сказал он.— Ваша разведка дала осечку.

— Еще очень рано, Дэвид,— спокойно ответил хозяин.— Мы не пользуемся такими достижениями цивилизации, как телефон. Подобно всему тому, что придумал человек для облегчения жизни, телефон превратился в орудие уничтожения. Вы ведь знаете о подслушивающих устройствах? Возможно, какой-то бедолага днями и ночами сидит в наушниках, надеясь услышать, как я говорю кому-то, естественно, по телефону чепуховину о том, как мы собираемся взорвать Белый дом. Поэтому мы используем что-то типа дымовых сигналов. Иногда они запаздывают, если ветер дует в другую сторону. Так что же я упустил, Дэвид?

Пока он говорил, его рука ерошила волосы девушки.

— Вы влюблены,— заметил Коттер.

— Это точно, Дэвид. И если ваша пуританская душа испытывает отвращение при мысли о том, что черная рука гладит волосы белой девушки, лучше закончим наш разговор.

— Не будьте идиотом,— рявкнул Коттер.— Я влюбился тридцать шесть часов назад и говорю о чувствах мужчины к женщине.— Его голос дрогнул.— Когда до вас дойдут дымовые сигналы, вы узнаете, что женщину, которую я люблю, похитили, и теперь, возможно, пытают, чтобы узнать у нее то, о чем она не имеет ни малейшего представления. И могут убить.

Лицо Скэтбека превратилось в черную каменную маску.

— Это ваша секретарша, Джулия Хартман?

— Нет,— ответил Коттер.— Я пытался скрыть ее настоящее имя. Маргарет Брэнсон, для друзей Магги, личная секретарша Мака Креншоу. Она сама не знает то, что ей известно, но, если вспомнит, это откроет причину убийства Мака и приведет к человеку, приказавшему его убить. Я совершенно беспомощен. В этом городе я никому не могу доверять, вы знаете, что произошло с Джеком Мерфи... Почему я пришел к вам? Во-первых, за Магги следили в Вашингтоне. Мужчина, преследовавший ее, имел удостоверение агента ФБР Артура Остина. Он занимался вашей

группой, Скэтбек, и две недели назад настоящего Остина убили. Вы или ваши люди могли это сделать. А моего сотрудника убили, когда он пытался найти человека, следившего за Магги. Вы тоже могли это сделать. Вы могли послать эту девушку, которая застрелила Креншоу. Если вы все это сделали, то я лишь теряю время и ничем не помогу Магги. Но я не верю, что вы приложили к этому руку.

Скэтбек взглянул на Патти, и та подняла голову.

— Если бы кто-то попытался отнять тебя, детка,— сказал Скэтбек,— я бы обратился за помощью к своему злейшему врагу. А я не злейший враг Дэвида. Я вообще ему не враг, мне лишь не нравится образ жизни общества, к которому он принадлежит. Что ж, попробуем разобраться.

Глава 2

Не все человеческие мечты связаны с достижением личных целей. Коттер пришел к выводу, что Скэтбек Хьюз стремился к миру в самом глубоком и истинном понимании этого слова. Он не верил, что со злом надо бороться только злом. Он не верил, что цель оправдывает средства. Он понимал, что в Америке больное общество, отравленное ложью. И считал, что единственный путь показать людям правду — изобличение фальши. Сесть в тюрьму по ложному обвинению — один из таких приемов. Или не оказывать сопротивления полиции...

Того же правила группа Скэтбека придерживалась и в отношении к Артуру Остину. Они сразу поняли, с кем имеют дело.

— И все же позволили ему остаться? — спросил Коттер.

Скэтбек кивнул. Девушка принесла кофе, бородатый парень, Чарли, бросил в камин пару поленьев.

— ФБР хотело разделаться со мной, и Артур Остин был их оружием. Он знал, что мы хотим организовать демонстрации против некоторых кандидатов во время праймериз. Он сообщал нам сведения, которые вели на ложный путь. Прямо в ловушку. С Патти бы что-нибудь произошло, и мне пришлось бы действовать как мужчине, а не ангелу.

— И вы не стали вмешиваться в праймериз?

— Потому что мы знали, что нас ждет. Мы не дали мышеловке захлопнуться.

— Вы планировали убийство Мака Креншоу?

— Нет,— твердо ответил Скэтбек.

— А почему убили Остина?

— Возможно, старые дела. Я чувствовал, что ему не нравится его работа. Может быть, он сказал, что уходит из Бюро.

— Насколько я знаю, работа ему действительно не нравилась. Но уходить из Бюро он не собирался.

— А может, он решил заговорить? В наше время секреты раскрываются каждый день. Власть имущие просыпаются в поту, боясь взять в руки утреннюю газету: а вдруг кто-то рассказал о них правду? И человек, что-то знающий, постоянно находится под угрозой. Как ваша Магги.

Коттер скрипнул зубами.

— А девушка, убившая Креншоу?

— Никаких комментариев.

— Вы знаете, кто она?

— Никаких комментариев, Дэвид,— повторил Скэтбек.— Предположим, вы не тот, за кого себя выдаете, и я скажу, кто эта девушка, если, конечно, знаю, и кто мог натравить ее на Мака Креншоу. А потом вы пойдете в полицию?

— Но как мне убедить вас, что я хочу лишь найти Магги? Если вы можете мне помочь...

— Нам нужно немного времени. О, я понимаю, что его у нас мало, но нельзя бежать бесцельно. В одном, Дэвид, я совершенно уверен. Человек, убивший Артура Остина, направил руку девушки, застрелившей Мака Креншоу. Он же убил Кристи, изувечил Джека Мерфи и убедил Магги уехать с ним.

— Это лишь предположение?

— И да и нет.

— Скажи ему, Скэт,— вмешалась блондинка.

Скэтбек посмотрел на нее.

— Ты ему доверяешь?

— Да.

— Женский инстинкт? — улыбнулся он.

— Это единственное, что у меня есть, Скэт.

Хьюз рассмеялся.

— Те, кто присоединяется к нашей группе, могут не называть свое настоящее имя. Во всяком случае, мы не спрашиваем. Раз человек верит в наши идеалы — добро пожаловать. Но очень скоро выясняется, действительно ли они верят в то же, во что и мы, или присоединились к нам ради всяких пакостей, которыми мы будто бы занимаемся. Федеральное бюро и полиция распространяют о нас подобные слухи... Примерно год назад, ну, месяцев четырнадцать, мы были на Среднем Западе, пикетировали большой нефтеперегонный завод около Кливленда. К нам присоединились двое, юноша и девушка. Таких мы называем «бродяги». Девушка, очевидно, из хорошей семьи. Юноша высокого роста, с длинными каштановыми волосами и бородой. Его звали Калли, ее — Марция. Он говорил на нашем языке, языке несогласных. И говорил хорошо. Я даже подумал, что его учили умные люди. Но почему-то он мне очень не понравился. Дней через десять стало ясно, что его интересуют лишь наши девушки, он пьет слишком много виски и мучает Марцию. Поэтому я предложил им уйти. Они нам не подходили. И они ушли. Я назвал вам настоящее имя этого юноши?

— Калли? Нет.

— Он говорил «Калигула».

Продолжение следует

Сокращенный перевод с английского В. ВЕБЕРА

В НОМЕРЕ:

«Девушки-подруженьки» — так называется фотоочерк, опубликованный в этом номере «Ровесника» в канун исполняющейся 2 сентября 44-й годовщины провозглашения Демократической Республики Вьетнам (с 1976 года — Социалистическая Республика Вьетнам), в котором рассказывается о том, как складывается жизнь дружной семьи советских и вьетнамских девушек в славном городе ткачих Иванове. На первой странице обложки — снимок Евгения СТЕЦКО из этого фотоочерка.

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (ответственный секретарь), А. С. ГРАЧЕВ, Ю. А. ДЕРГАУСОВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора), Э. М. САГАЛАЕВ, Б. А. СЕНЬКИН, В. Г. СИМОНОВ

Художественный редактор Е. А. Гричук
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор А. Т. Бугрова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-20. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

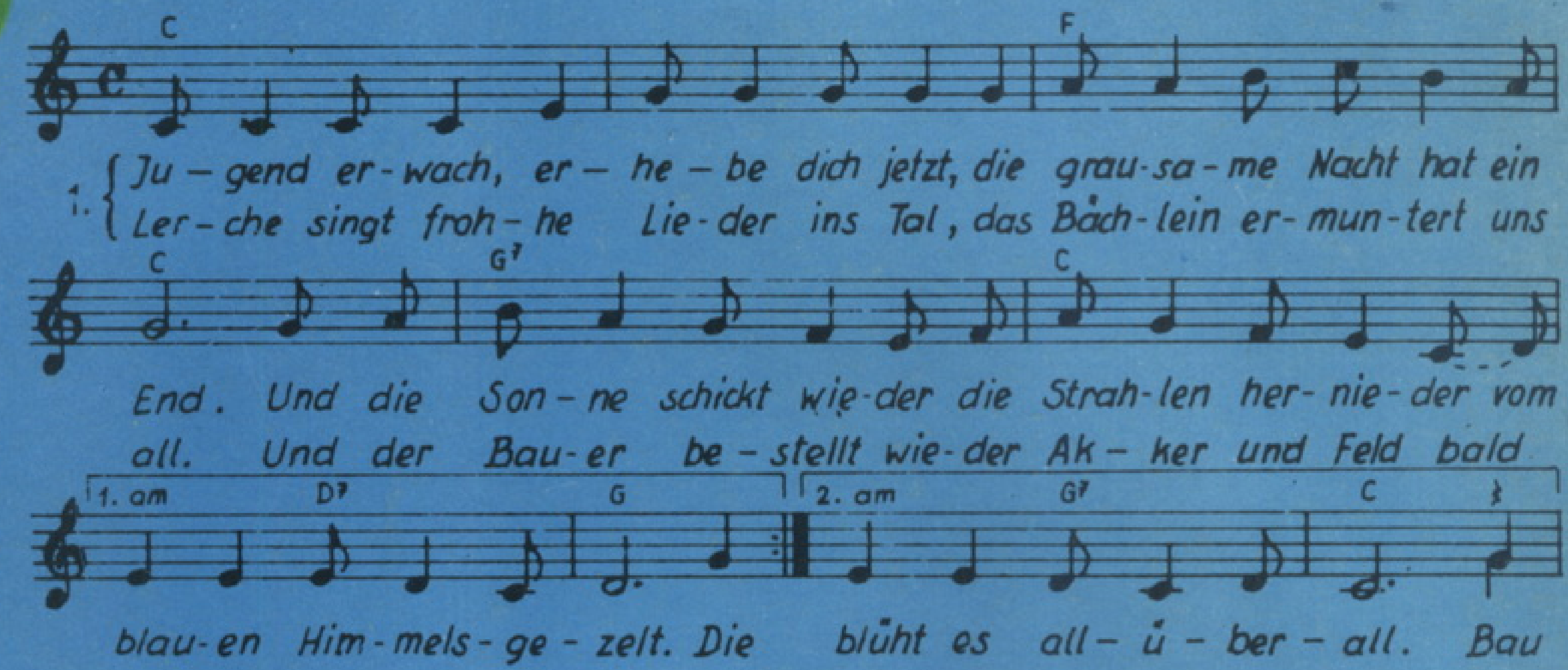
Сдано в набор 15.06.84. Подп. к печ. 13.07.84. А00750. Формат $84 \times 108^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,4. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 1 100 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 1065 Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

„Jugend erwach“

Text und Musik: Reinhold Limberg

Песни тех, фестивальных, лет

«Свободная молодежь — новая жизнь» — это один из лозунгов, следуя которому молодежь ГДР поднимала из послевоенных руин свою новую, освобожденную от фашистского мрака страну. Это один из лозунгов, под которым в марте 1946 года был создан Союз свободной немецкой молодежи во главе с первым председателем ССНМ Эрихом Хонеккером. «Поднимайся, молодежь, кончилась страшная ночь, снова светит солнце, и над полями поют жаворонки... На стройку, на стройку, свободная немецкая молодежь, мы строим светлое будущее своей родины. Повсюду раздается стук молотков, и трудящиеся говорят: «Немецкая молодежь, принимайся за дело, прокладывай путь к миру, свободе и справедливости. Теперь твоя собственная воля определяет твою жизнь...» — песню «Поднимайся, молодежь», текст и музыку которой написал Райнхольд Лимберг, пели делегаты свободной немецкой молодежи на первых фестивалях — в Праге, в Будапеште. Поют ее в ГДР и по сей день.

Jugend erwach, erhebe dich jetzt,
die grausame Nacht hat ein End.
Und die Sonne schickt wieder
die Strahlen hernieder
vom blauen Himmelsgezelt.
Die Lerche singt frohe Lieder ins Tal,
das Bächlein ermuntert uns all.
Und der Bauer bestellt
wieder Acker und Feld,
bald blüht es allüberall.

Allüberall der Hammer ertönt,
die werkende Hand zu uns spricht:
Deutsche Jugend, pack an,
brich dir selber die Bahn,
für Frieden, Freiheit und Recht.
Kein Zwang und kein Drill,
der eigene Will'
bestimme dein Leben fortan.
Blicke frei in das Licht,
das dir niemals gebricht,
Deutsche Jugend, steh deinen Mann.

Bau auf, bau auf, bau auf, bau auf,
Freie Deutsche Jugend, bau auf!
Für eine bessre Zukunft
richten wir die Heimat auf!

Индекс 70781
Цена 35 коп.